

БЕЛОРУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ

Прибавления к
«Журналу Министерства народного просвещения»
1846, книги 1 и 3; 1852, книга 3

П.Древлянский
(Павел Михайлович Шпилевский)

БАГАН,	8 (I.6)	ЛЕЛЮ,	18 (I.16)
БЕЛУН,	9 (I.7)	(ЛЕЛЁ, Людю, Люлю)	
БОРДЗЯ,	70 (III.37)	ЛЮБМЕЛ,	45 (II.102)
		Лядашчик,	94 (III.61)
ВАВКАЛАКА,	10 (I.8)	Ляля,	48 (II.105)
ВАЗИЛА,	28 (II.85)		
ВАСТРУХА,	11 (I.9)	МАРНЯ,	50 (II.107)
		МЕША,	52 (II.109)
ГАРНИК,	73 (III.40)		
ГАРЦУКИ,	30 (II.87)	НЫДЗЕНЬ,	95 (III.62)
ДЗЕВА,	12 (I.10)	ПАВЕТНИК,	96 (III.63)
ДЗЕВОЯ,	31 (II.88)	ПАГОДА,	18 (I.16)
ДЗЕДКА,	12 (I.10)	ПАДНЕЧИК,	98 (III.65)
		ПАЛЯНДРА,	53 (II.110)
ЖЕВЖЫК,	74 (III.41)	ПЕРУН,	19 (I.17)
ЖЫЖ,	36 (II.93)		
ЖЫЦЕНЬ,	37 (II.94)	РАЗАМАРА,	99 (III.66)
		РАСАМАХА,	20 (I.18)
ЗЛЫДЗЕНЬ,	76 (III.43)	РУСАЛКИ,	20 (I.18)
ЗНИКЧА,	76 (III.43)		
ЗОРКА,	14 (I.12)	ТАЛАКА,	54 (II.111)
ЗІОЯ,	39 (II.96)		
		ЦЕЦЯ,	63 (II.120)
КАДУК,	41 (II.98)	ЦМОК,	24 (II.22)
КАЛЯДА,	15 (I.13)		
КЛИКУН,	78 (III.45)	ЧУР-БОГ,	21 (I.19)
КЛЕЦЫНИК,	80 (III.47)		
КЛЯСКУН,	84 (III.51)	ШАТЫВИЛА,	309-310
КОНША,	93 (III.60)		
КУМЕЛЬГАН,	42 (II.99)	ЩЕДРЕЦ,	288-290
КУПАЛО,	15 (I.13)		
		ЯГА-БАБА — КАСЦЯНАЯ-НАГА,	21 (I.19)
ЛАДЮ,	17 (I.15)	ЯРКУН,	101 (III.68)
ЛАЗАВИНК,	44 (II.101)	ЯРЫЛО.	22 (I.20)

Иллюстрация на обложке:
Валентин Дельвесто «Вазила», 2009

ПРИБАВЛЕНИЯ

КЪ

ЖУРНАЛУ

МИНИСТЕРСТВА

ШАРОДШАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

на 1846 годъ.

САНКТПЕТЕРВУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1846

ОТДѢЛЕНІЕ ЛІТЕРАТУРНОЕ.

БЪЛОРУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ (*).

Предки наши, Русскіе Славяне, подобно другимъ древнимъ народамъ, имѣли мнимыя божества, кото-рымъ воздвигали кумиры и покланялись. Такъ въ Соф. Временникъ говорится: «и нача княжити Влади-миръ въ Кіевѣ и постави кумиры на холму, ви-града теремнаго: *Перуна*, древяна, а главу сребря-ну, а усъ златъ; и *Харса*, и *Дажба*, и *Стриба*, и *Семаргла*, и *Мокошь*. Жряху имъ, нарицающе ихъ богы, провожаху сыны ѹ и лщеры, и жряху бѣ-сомъ, и оскверняху землю свою требами многими, и оскверниша кровю землю Русскую и холмъ той (2)». Безъ сомнѣнія, упомянутыя здѣсь божества были у

(1) Отрывокъ изъ сочиненія: «Словарь и Корнесловъ Бѣлорус- скаго нарѣчія».

(2) Соф. Времен. стр. 85.

Славянъ Русскихъ собственныея, коренныя — Славянскія; но Славяне принимали постепенно и чужихъ боговъ, такъ-какъ окружены были со всѣхъ сторонъ разными языческими народами: съ Сѣверозапада — Латышами, Прусками, Ятвягами, Литовцами; съ Сѣверовостока — Финнами, съ Юговостока — Хазарами. Но какъ главнымъ сердцемъ Славянъ Русскихъ былъ Киевъ и сопредѣльныя ему земли по Днѣпру, то въ кумиры въ честь божествъ воздвигаемы были въ этихъ мѣстахъ: сюда собирались Славяне Русскіе для поклоненія божествамъ, для участванія въ народныхъ празднествахъ, игрищахъ: отсюда выносили разныя сказки и пѣсни про дивныя дѣла своихъ божествъ, про силу ихъ и могущество. Такимъ образомъ, Южная часть нынѣшней Россіи была главнымъ мѣстомъ, гдѣ сохранялись преданія о божествахъ Славянъ Русскихъ, невидимыхъ духахъ, чудесныхъ силахъ ихъ и т. п. Безъ сомнѣнія, отсюда могли переносить эти преданія и въ дальнѣйшія земли Руси; но народныя вѣрованія въ настоящемъ видѣ ихъ могли сохраниться только въ Киевѣ и ближайшихъ къ нему мѣстахъ. Со введеніемъ Христіанской Вѣры въ землѣ Русскихъ Славянъ, идолы и капища въ ней были уничтожены; преданія же, хранившіяся въ народѣ, не могли уничтожиться. Христіанская Вѣра могла уничтожить вѣрованіе въ языческихъ боговъ; но устное преданіе не переставало сохранять въ народѣ воспоминанія о вѣрованіяхъ предковъ. Этому способствовало и то, что Христіанство не вдругъ утвердилось во всей Россіи, но постепенно: то есть, преданія находили себѣ опору въ языческихъ вѣрованіяхъ сосѣднихъ народовъ, и та-

кимъ образомъ Славяне Русскіе, будучи Христіанами, все-еще имѣли случай видѣть подобіе старинныхъ своихъ боговъ. Прошло несколько вѣковъ послѣ утвержденія Христіанства въ Россіи, а преданія о богахъ, духахъ, таинственныхъ силахъ, вѣдьмахъ и другихъ страшалищахъ не уничтожились, но съ теченіемъ времени только облекались въ поэтаческій вымыселъ и принимали живописный колорътъ въ устахъ рассказчика. Сколько перемѣнъ произошло въ Русскомъ народѣ со времени введенія Христіанства и распространенія просвѣщенія; сколько бѣдъ потерпѣла Русь отъ Монголовъ, Литовцевъ и другихъ народовъ; и не смотря на то, преданія о вѣрованіяхъ древнихъ Русскихъ Славянъ сохранились почти въ неповрежденности въ Русскомъ народѣ. Мы уже сказали, что въ Кіевѣ и вообще по Днѣпру, гдѣ находились идолы и капища древнихъ Русскихъ Славянъ, преданія объ нихъ съ особенною точностію сохранились т. е.: по рѣкамъ Припети, Соцѣ и, частью, по Западной Двинѣ, то есть, въ Губерніяхъ Минской, Могилевской, частію въ Кіевской, Витебской и частію въ Черниговской. Удивительно даже, что не только имена божествъ, но и самыя понятія, соединяемыя съ ними, и свойства, приписываемыя имъ предками нашими, совершенно согласны съ именами, понятіями и свойствами тѣхъ божествъ, о которыхъ сохранились преданія въ Бѣлоруссіи, какъ о именныхъ духахъ. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Бѣлоруссія Губерніи — Минская, Могилевская и Витебская. Въ простомъ народѣ Бѣлорусскихъ Губерній можно находить много обычаевъ, игрищъ,

обрядовъ, поговорокъ, которых ведутъ свое начало отъ временъ язычества. Не льзя не удивляться, какъ могли сохраниться самыя иѣспи (многія) безъ всякаго измѣненія: трудно найти въ нихъ какую-нибудь перемѣну не только въ мысляхъ, но даже и въ словахъ. Любопытно, поэтому, сличить устныя преданія Бѣлорусцевъ о различныхъ божествахъ, какъ о мнимыхъ духахъ и привидѣніяхъ, съ истыдомъ вѣрованіемъ древнихъ Русскихъ Славянъ. Любопытство наше въ этомъ слушать тѣмъ легче уловиметворится безъ всякаго утомленія, что преданія Бѣлорусцевъ украшены поэтическими рассказами. Для этого и самые рассказы представляются въ возможной связи и порядокъ. Вотъ они:

I. Баганъ.

Баганъ, какой-то добрый духъ.—кажется, то же, что *Волосъ*, покровитель домашняго скота. По разсказамъ Бѣлорусцевъ, Баганъ, смотря по своему расположению или непріязни къ какому-либо семьянину, или умножаетъ (родзитъ, рождаетъ), или похищаетъ у него домашній скотъ: это они подтверждаютъ фактами. Слова *умножаетъ*, *похищаетъ* должно понимать такъ: *Баганъ* дѣляетъ скотъ или плоднымъ или бесплоднымъ; рождаетъ дѣтёнышей скота или живыми, или мертвыми; оставляетъ самую родильницу послѣ родовъ или здоровою, или больною и даже мертвою. Такъ толкуютъ сами Бѣлорусцы. Замѣчательно также, что Бѣлорусцы отдѣляютъ въ хлевахъ скотскихъ особенное място съ особенными маленькими яслями

сь съюмъ. Ова дѣлаютъ это въ слѣдствіе повѣрия, будто бы Баганъ посланъ; такъ сказать, въ хлевахъ скотовъ (разумѣется, любимаго имъ семьянина), и охраняетъ скотъ отъ разныхъ болѣзней и дроздковъ. А главное, — будто Баганъ помогаетъ скотамъ при рожденіи. Конечно, съю въ зернѣ, приготовленное для Багана, цѣло: Бѣлорусцы имъ кормятъ родильницу первую недѣлю послѣ родовъ, считая это съю какъ бы лекарствомъ. Верочемъ, Баганъ не во всей Бѣлоруссіи известенъ подъ этимъ именемъ, подъ вторымъ преимущественно называютъ его въ Минской Губерніи, въ Пинскомъ, Мозырскомъ и Слуцкомъ Уѣздахъ, и частію въ Губерніи Червоногорской. Судя по рассказамъ Бѣлорусцевъ, онъ весьма сходенъ, или по крайней мѣрѣ соответствуетъ тому самому, о которомъ Г. Кастрорскій упоминаетъ въ своемъ «Начертаніи Славянской Мисиологии». (Гл. IV, стр. 37 — о Богѣ). Поговорки: *Беланъ задушашевъ оцу* (Баганъ удушилъ отца, т. е. отца околѣла отъ родовъ). *Беланъ нарадзію целя* (Баганъ даѣтъ тѣлёнка); эту поговорку Бѣлорусцы употребляютъ при рожденіи ягнѣнка у скотинъ.

II. *Бѣлунь.*

Бѣлунь то же, что *Бѣлобое*, источникъ богатства и милосердія. Въ Бѣлоруссіи есть повѣрие, будто Бѣлунъ является заблудившимся въ лѣсу, и, изъча, почти нѣвидимо, выводить путниковъ на прямую и вѣрную дорогу; съ которой они сбились; будто онъ присутствуетъ на нивахъ во времія

жатвы и помогаетъ жнецамъ усыплюють жать. Но
всего чаще рассказываютъ Бѣлорусцы, какъ Бѣлунъ
является бѣдникамъ въ жаждѣ (во ржи) съ сумою де-
негъ на носу. Замѣтивъ бѣдника—говорить—Бѣлунъ
манитъ его къ себѣ рукою; потомъ, если бѣдникъ
не рѣшается подойти, онъ самъ подходитъ къ
нему и просить его утереть себѣ носъ. Если бѣд-
никъ послушается и утреть ему носъ (что всегда
бываетъ, потому что Бѣлунъ является днемъ), то
изъ сумы посыпаются деньги, а Бѣлунъ исчезаетъ.
Количество денегъ бываетъ смотря по тому, тѣмъ
бѣдникъ утреть носъ Бѣлуну. Если утреть рукою,
то денегъ высыпается изъ сумы столько, сколько
можно забрать рукою; если же платкомъ, или шап-
кой, или полою *сайты* (верхней одежды Бѣлорусского
музыкана), то денегъ высыпается все сумы Бѣлу-
на столько, сколько можетъ помѣститься въ платкѣ,
въ шапкѣ, или въ полѣ одежды. Бѣлорусцы пред-
ставляютъ Бѣлугу старикомъ съ длинною, бѣлою,
но не сѣдою бородою, въ бѣломъ саванѣ, съ бѣлымъ
носочкомъ. Поговорка: *Му́сиць, паслабыслъ зъ Бѣлу-
номъ* (Должно быть, подружился съ Бѣлуномъ, т. е.
вѣрно, его посѣтило счастье). *Ціёмна у лѣсъ безъ Бѣ-
луны* (Темно въ лѣсу безъ Бѣлуги, т. е. Бѣлунъ—
проводникъ въ темномъ, глухомъ лѣсу).

III. Ваекалака.

Ваекалака—оборотень. Это не что иное, какъ че-
ловѣкъ, превращенный чародѣемъ или нечистою си-
лой въ волка. По мнѣнию Бѣлорусцевъ, злой духъ,

будучи недоволенъ чѣмъ-нибудь изъ людей, запи-
савшихъ ему свою душу, обращаеть его въ болѣ и
заставляетъ его рыскать по домамъ своихъ родныхъ.
Родные узнаютъ своего бѣзумнаго и кормятъ его.
Состояніе *Васкалака* самое жалкое, невыносимое;
онъ безпрестанно рыскаетъ по полю, какъ будто бѣ-
шеный; всегда недоволенъ чѣмъ-то и безпрестанно
воетъ; впрочемъ, онъ не дѣлаетъ никому вреда,
хотя и можетъ, по сообщенной ему силѣ. Власть
производить (рѣбнцъ) *Васкалака*, по словамъ Бѣло-
русцевъ, принадлежитъ черту, но она передается отъ
него такъ-называемымъ злакарамъ (колдунамъ), въ
силу которыхъ Бѣлорусцы очень бѣрять. Вѣроят-
но, это вѣрованіе перешло къ нашимъ предкамъ
отъ самыхъ древнихъ временъ языческихъ. Этотъ
Васкалака не то же ли, что *Лукаоп*, о которомъ
Овидій упоминаетъ въ своихъ *Превращеніяхъ* (См.
Ovid. Metamorphoseon. Lib. I. vers. 230..... 240)?
Толки о *Васкалакѣ* чрезвычайно разнообразны въ Бѣ-
лоруссии, такъ-что въ этомъ случаѣ очень умѣстна
насловаца Бѣлорусская: *што іградъ, то нѣравъ* (во
всякомъ городѣ свой обычай). Поговорки: *Спрыікры-
ся, якъ *Васкалака** (Надоѣль, наскутиль, словно *Вас-
калака*). *Бы *Васкалака* шпірыцъ* (Какъ-будто *Васка-
лака* рыскаетъ, то есть, безпріютный).

IV. *Вастру́ха.*

Вастру́ха то же, что Астрей, богиня правды и
цѣломудрія. О ней большею частію сохранилось по-
вѣре въ Могилевской Губерніи, въ Оршанскомъ и

Бабиновичскомъ Уѣздахъ, и частіо въ Витебской Губерніи. *Поговорка:* *Бачышь, яко бы Вастружа* (Ви-дишь, какъ-будто *Вастружа*, то есть, какъ-будто цѣломудреннаѧ, справедливаѧ.

V. Дзѣва.

Дзѣва — верховное божество, заимствованное у Поляковъ. Бѣлорусцы клянутся этимъ божествомъ. Вотъ ихъ клятва : *Да-Дзѣвы*, то есть, да будетъ съ вами богиня—*Дзѣва*. Впрочемъ, вѣрованіе въ *Дзѣву* не у всѣхъ Бѣлорусцевъ господствуетъ.

VI. Дзѣдка.

Дзѣдка—что-то похожее на *Дажбоя*,—подателя богатства. Бѣлорусцы вѣрятъ, что *Дзѣдка* ходить (днемъ) по дорогамъ съ сумою, какъ нищій, и, встрѣтившись съ какимъ-нибудь несчастнымъ или бѣднякомъ, наводить на него сонъ прежде, нежели тотъ успѣеть замѣтить его. Если встрѣтившійся человѣкъ богатъ, но несчастенъ, то *Дзѣдка* представляетъ ему во снѣ такое видѣніе, которое или предсказываетъ избавленіе отъ несчастія, или указываетъ средства самому избавиться отъ него. Разумѣется, главнымъ дѣйствующимъ лицемъ во снѣ *Дзѣдка* представляетъ себя, такъ-что человѣкъ (Бѣлорусецъ) тотчасъ узнаетъ, что ему явился во снѣ *Дзѣдка*. Узнать *Дзѣдку*, по словамъ Бѣлорусцевъ, можно потому, что онъ всегда является съ красными огненными глазами и съ такою же бородою. Если же встрѣтившійся человѣкъ—бѣднякъ, то *Дзѣдка*, наведши на него

сонъ, тайно снабжаетъ его нужнымъ количествомъ денегъ. Этого же *Дзядку* Бѣлорусцы считаютъ хранителемъ кладовъ. Они вѣрятъ, и стараются подтвердить свое вѣрованіе множествомъ рассказовъ, будто *Дзядка* съ огненными глазами и бородою явается имъ (вечеромъ, ночью и днемъ) на томъ мѣстѣ, гдѣ зарыть какой-нибудь кладъ; является не весь, но одна только его голова; отъ того-то говорятъ огонёкъ на кладахъ бываетъ какъ-бы на поверхности самой земли. Догадливые люди, говорятъ Бѣлорусцы, ничего не боясь, смѣло подходятъ къ этому огоньку, зная, что это показался изъ земли *Дзядка* зъ грошами (съ деньгами); подошедъ къ нему, нужнобросить на него какую-нибудь одежду. Знающій бросить, говорятъ, непремѣнно шапку; а если неѣтъ съ нимъ шапки, то часть волосъ своихъ, вырванныхъ изъ головы. Незнающій же бросить что-нибудь другое. Но это не все равно. Если кто бросить шапку или волосы, то кладъ не уйдетъ далеко, а останется почти на поверхности земли. Если же кто бросить свитку, то кладъ въ три раза глубже уйдетъ; а если сапоги (или лапти), то кладъ такъ далеко уйдетъ отъ поверхности земли, что нужно будетъ цѣлый вѣкъ свой копать землю на томъ мѣстѣ, пока выкопаешь кладъ. Вообще, по понятію Бѣлорусцевъ, кладъ темъ глубже уйдетъ, чѣмъ дальше отъ головы или ближе къ ногамъ та одежда, которую бросишь на огонёкъ. За такія большія милости *Дзядки*, Бѣлорусцы приписываютъ ему название *Дзядавой-Недзѣли* (недѣли Масопустной); то есть, говорятъ, будто предки ихъ въ честь *Дзядки* установили эту недѣлю. Поговорки: *Кабо не*

Дзідка, пранас (Бъда, если-бъ не Дѣдка, то есть, Дѣдка помогъ горю). *Дзідака гарыць (?)* (Дѣдка говорить). Эта поговорка очень-замѣчательна: ее употребляютъ Бѣлорусцы въ то время, когда малыя дѣти ихъ обнаруживаютъ страсть къ деньгамъ, и какъ бы съ жадностю хватаютъ попавшіяся деньги; этимъ они хотятъ охладить въ дѣтяхъ своихъ страсть къ деньгамъ: то есть, «не троны, деньги горячи, ихъ трудно добыть».

VII. Зорка.

Зорка то же, что Аврора, — богиня счастія и судьбы. По понятію Бѣлорусцевъ, каждый человѣкъ имѣеть свою особенную Зорку, которая, какъ духъ-хранитель, неотступно находится при своемъ избранномъ. Вѣрять, что Зорки сотворены вмѣстѣ съ человѣкомъ, и назначены Богомъ для охраненія людей. Впрочемъ, трудно угадать, кого Бѣлорусцы собственно разумѣютъ подъ Зоркою: дѣйствительно ли духа-хранителя или кого-либо другаго? Изъ того, что Зорку они называютъ богинею, а не духомъ, можно предполагать, что это какое-то второстепенное божество; а изъ того, что Зорки назначены Богомъ для храненія людей, можно заключить, что это—духи. Впрочемъ, изъ поговорокъ можно заключать, что Зорка у Бѣлорусцевъ какое-то божество. Вотъ поговорка: *Што ужэ зв яб, калі ёбкъ не у Зорки* (что изъ него будетъ, когда онъ не въ милости у Зорки, безъ покровительства Зорки, то есть, бездольный).

VIII. Калядá.

Калядá — божество веселья и радости. Въ честь его праздновали время отъ Рождества Христова до Новаго Года. Еще и теперь по вече-рамъ собираются хороводы парней или дѣвиць, и, устроивши кое-какую музыку, ходятъ по улицамъ деревни или села. Подходя къ окошку какого-нибудь дома, хороводъ пляшетъ и поетъ веселыя пѣсни, припѣвая: «Ой, Калядáжь ты нашъ. Калядачку, да весёлы-жъ Калядá!...» Хозяева домовъ очень довольны бывають посѣщеніямъ такихъ гостей и щедро награждаются имъ, преимущественно колбасами. Поговорки: *Калядаваевъ*, *калядаваевъ*, *пакуль зкалядаваевъ* (Веселился, веселился (кутиль), пока все промотался). *Кали не на Каляду пабадзлца, дажъ кали-жъ болгъ?* (Если на Каляду, т. е. въ праздникъ Каляды, не покутить, то когда же больше?)... Впрочемъ, о Калядѣ много былописано, и потому мы не считаемъ нужнымъ слишкомъ распространяться о немъ.

IX. Купало.

Купало — покровитель цветовъ и плодовъ. О Купалѣ также много было написано. Упомяну адресъ съ томъ, что неизвѣстно еще читающей публикѣ. Вѣтъ обрядъ въ честь *Купалы*. Въ Ивановъ день, съ разсвѣтомъ, собирается, по установленному договору, хороводъ молодыхъ дѣвиць, начиная съ 16 дѣтъ и далѣе; общимъ голосомъ выбираютъ изъ хоровода одну самую дородную, самую красивую дѣвицу, и нарекаютъ ее *Дзлеко-Ку-*

пáло. Выбранная въ Купалы гордится своимъ достоинствомъ, и потому, не желая унизить его, старается во всемъ угоджать своему хороводу. Избравъ дѣвицу, хороводъ разлѣваетъ ее и обвиняетъ все ея тѣло, съ головы, приготовленными для того вѣнками изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Таковъ, по понятію Бѣлорусцевъ, *Купáло*. Убраяши такимъ образомъ дѣвицу, хороводъ ведетъ ее въ лѣсъ въ опредѣленное мѣсто, гдѣ приготовлена глубокая яма. Въ ямѣ набросано множество вѣнковъ изъ свѣжихъ и сухихъ цвѣтовъ. *Дзѣву-Купáло* вводятъ въ яму съ завязанными глазами. Потомъ, хороводъ кольцомъ кружится вокругъ ямы. Между тѣмъ, *Дзѣва-Купáло* безъ разбора беретъ вѣнки, находящіеся въ ямѣ, и раздаетъ ихъ, кому ни попало изъ кружящихся вокругъ ямы дѣвицъ. Если которой дѣвицѣ попадется вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, то это значитъ, по ихъ понятію, что эта дѣвица въ замужствѣ будетъ счастлива и богата. Поэтому, сей-часъ всѣ начинаютъ плясать, припѣвая, съ обращеніемъ къ *Дзѣвѣ-Купалѣ*, каждая по-одиначкѣ, веселыя пѣсни (одного, впрочемъ, содержанія, которыя по длиппотѣ своей здѣсь опускаются). Напротивъ, если которой дѣвицѣ попадется вѣнокъ изъ сухихъ цвѣтовъ, то это значитъ, что она въ замужствѣ будетъ несчастна и бѣдна. Тогда уже не пляшутъ, а садятся всѣ вокругъ ямы, и умоляющими, заунывно-протяжнымъ голосомъ взывають (ноютъ) къ *Дзѣвѣ-Купалѣ*:

Переводъ.

Ай, Купало-жъ, ты, Купало, Ой, Купало-жъ, ты, Купало,
Да скажы-жъ ты, намъ пла- Скажи ты намъ теперь,
перъ,

Што-жъ гёта јой выпало, Что жъ это ей выпало,
Ай, скажыжъ ты цяпёръ. Ай, скажи-жъ ты теперь.

Дѣва-Купало въ такомъ же тонѣ отвѣчаетъ:

Счастья, доли,
Не бачыць јой,
Жыць у недоли,
Одъ-же-жъ, одъ јой

Переводъ.

Счастья, доли,
Не видать ей,
Жить въ недоли,
Вотъ судьба ей !

За тѣмъ опять продолжаютъ ворожить. *Дѣва-Купало*, по прежнему, раздаєтъ вѣнки; и этотъ обрядъ продолжается до тѣхъ поръ, пока каждая изъ находящихся тутъ дѣвицъ не выворожитъ своей судьбы. Наконецъ, вечеромъ, по данному знаку *Дѣвы-Купалы*, весь хороводъ опрометью бѣжитъ отъ ямы, не оглядываясь, боясь, чтобы Купало, выскочивъ изъ ямы и пустившись въ погоню, не поймалъ кото-рой-нибудь: потому что, по мнѣнію Бѣлорусцевъ, та дѣвица, которую поймаеть Купало, не выйдетъ за-мужъ въ томъ году. Вѣровавіе въ *Купалу*, равно какъ и въ *Коляду*, существуетъ по всей Бѣлоруссіи.

X. *Ладо.*

Ладо то же, что и у древникъ Славянъ, — по-кровитель любви. У Бѣлорусцевъ есть много пѣсенъ и поговорокъ, въ которыхъ очень часто упоминается *Лидо-Ладо*, *Лидо-Ладо*, но все это не ясно, смы-шано: трудно найти опредѣленный смыслъ. Вотъ, между прочимъ, Бѣлорусская поговорка: *Не зъ Ладомъ мужъ, не зъ Ладомъ жонка* (Мужъ не по любви, жена не по любви).

XI. *Лёліо.*

Лёліо (Ліліо, Люліо) — купидонъ съ крыльшками. Быть можетъ, баюканье Бѣлорусскихъ иянюшекъ: *Лёліо! Лёліо! Ліліо!*... есть призыва-
ніе купидона для охраненія младенцевъ во время
ихъ сна? Это же подтверждается слѣдующими Бѣ-
лорусскими пѣснями, которыя поютъ віаньки, убаю-
кивая дѣтей:

Переводъ.

Ой, Ліліо, Ліліо!
Приди къ дзвінцу,
Да дай спаца!
Ой, Ліліо, Ліліо!

Ой, Лёліо, Лёліо,
Приди къ пасъцёлу!

Ой, Люліо, Люліо,
Приснися Петрулу!

Ой, Ліліо, Ліліо
Приди къ дитяти,
Дай ему уснуть.
Ой, Ліліо, Ліліо!

Ой, Лёліо, Лёліо!
Приди къ колыбели!

Ой, Люліо, Люліо!
Яесь во снѣ Погрушы!

Кромѣ того, Бѣлорусцы разсказываютъ, будто-
бы во время такого убаюкиванія дѣтей, действи-
тельно носится надъ колыбелью засыпающаго мла-
денца *Лёліо*, едва замѣтный, въ родѣ какого-то
тумана.

XII. *Пазода.*

Пазода, — какая-то воздушная стихія — вѣтеръ или буря. Вотъ, между прочимъ, пѣсня Бѣлорус-
цевъ при закатѣ солнца:

Переводъ.

- 1) Чы пень, чы калода ! Пень ли ты или калода !
Чы будзе завтра погода ? Скажи, будетъ ли завтра
погода ?
- 2) Ай, Пагодажъ, Пагода ! Ахъ, Погодажъ, Погода !
А гдѣжъ май надзоба ? Скажи, гдѣ мнѣ искать
счастья ?

Эти воззванія Бѣлорусцы особенно употребляютъ находясь въ лѣсу, думая, что здѣсь живеть Пагода, и потому услышать ихъ. Къ этому обстоятельству должны быть примѣнены слова : *пень-ка-лода*.

XIII. Перунъ.

Перунъ— богъ грома и молніи. По понятію Бѣлорусцевъ, *Перунъ* имѣетъ большую голову съ черными волосами и глазами, длинную золотую бороду; онъ высокаго роста, плечистъ; въ лѣвой рукѣ носитъ колчанъ съ стрѣлами, а въ правой— лукъ. Бѣлорусцы вѣрятъ, что *Перунъ*, видя пороки людей, разъѣзжаетъ по небу на огненной колесницѣ, съ огненнымъ лукомъ въ рукахъ, съ тѣмъ, чтобы пугать людей: отсюда они изъясняютъ явленіе грома. Когда же *Перунъ* увидитъ, что люди не пугаются его грома, то, желая наказать нераскаянность людей, пускаетъ изъ огненнаго своего лука стрѣлу, которая съ огнемъ ниспадаетъ на землю и всѣдко производить пожаръ: отсюда изъясняютъ явленія молніи. Послѣднее вѣрованіе свое Бѣлорусцы подтверждаютъ тѣмъ фактамъ, будто бы

послѣ пожара, произведенного молнией, всегда находятъ на землѣ какую-то чудесную стрѣлу. Поговорки: *Кабъ цлбѣ Перунъ треснуб — пусть тебя Перунъ (громъ) убьетъ (изъ огненнаго лука).* Які тамъ *Перунъ ліскав — что тамъ за грохотъ такой?* — О Перунѣ знаютъ всѣ Бѣлорусцы безъ исключенія.

XIV. *Rасамаха.*

Расамаха — какой-то грозный духъ. Бѣлорусцы представляютъ его страшнымъ чудовищемъ, состоящимъ изъ половины человѣка и половины льва, т. е., заднія ноги его и другія части до груди — человѣческія, остальная же — львиныя; весь онъ покрытъ длинною, самою бѣлою шерстью; ходить на заднихъ ногахъ. Вѣрятъ, будто *Расамаха* всегда живеть въ конопляхъ (куда дѣвается зимою — неизвѣстно), и выходитъ только ночью для пріиска-нія корму; вѣрятъ такъ же, будто она, увидѣвъ нѣсколькихъ людей, нападаетъ на самаго молодаго изъ нихъ (старыхъ не трогаетъ); напавши на свою жертву, она не душитъ его, но, прогрызя у живаго черепъ, высасываетъ мозгъ; высосавши же мозгъ, тѣло бросаетъ. Поговорка: *Кабъ цлбѣ Расамаха задрала.* Не то ли же это, что у Славянъ — *Черно-богъ?* . . .

XV. *Русалки.*

Русалки — водяныя Нимфы. Бѣлорусцы представляютъ ихъ нагими, кое-гдѣ прикрытыми сухими

листьями; вѣрять, будто бы онъ живутъ въ озерахъ, и при свѣтлой лунѣ плещутся у береговъ озеръ; это они дѣлаютъ для того, чтобы заманить къ себѣ проходящихъ. Горе, говорять, тому человѣку, который подойдетъ къ нимъ: онъ тотчасъ выбѣгаютъ изъ воды, бросаются на несчастную жертву и щекочутъ его до тѣхъ поръ, пока не защекочутъ до смерти. Поговорка: *Шлакбочецца, бы Русалка, — щекочется, какъ Русалка.*

XVI. Чурѣ-богъ.

Чурѣ-богъ — богъ границы. До сихъ поръ еще есть остатки вѣрованія, будто у каждого хозяина есть свой *Чурѣ-богъ* на границѣ его участка земли. Поэтому-то и теперь еще сохраняется обычай въ Бѣлоруссіи — насыпать на границѣ своихъ участковъ высокій земляной бугоръ. Бугоръ этотъ огораживаются частоколомъ, и никакой дерзкій не осмѣлится разрыть этотъ священный бугоръ, опасаясь, чтобы тѣмъ не разгнѣвать *Чурѣ-бога*, который тамъ живеть и охраняетъ землю хозяина отъ хищности звѣрей и грабительства людей. Поговорка: *Чурѣ табія на языкѣ! — посадилъ бы ты на своеи языкѣ Чурѣ-бога, т. е., далъ бы ты границу своему языку, или перестань говорить!*

XVII. Яѣ-баба — касцялія-ла-на:а.

Яѣ-баба — касцялія-ла-на:а — влобный духъ въ образѣ гадкой старухи. Бѣлорусы представляютъ ее

ѣздающею въ желѣзной ступѣ и погоняющею огненно-горящею метлою воздушныя силы, которые приводятъ въ движение ея ступу: думаютъ, что она живетъ въ воздухѣ. Когда онаѣдетъ, говорять, земля стонеть, вѣтры свищутъ, звѣри воютъ, домашній скотъ прячется въ хлевы; самыя даже нечистыя силы, везущія ея ступу, страшно ревутъ, — такъ что еще не видно ни Ягѣ-бабы, ни ея колесницы, а страшныя явленія, сопровождающія ея путешествіе, даютъ знать, что нѣчто злобное летить на землю. У Бѣлорусцевъ есть повѣрье, что Яга-баба появляется тогда, когда у нея не станетъ человѣческаго мяса, которымъ она питается. Принявъ образъ старухи, она является въ домъ какого-нибудь семьянина, и, воспользовавшись, при помощи своей демонской хитрости, простотою мужичка, похищаетъ у него дитя. Рассказываютъ, будто бы однажды *Баба-Яга* уронила въ воздухъ дитя, и оно упало мертвое на кровлю того же дома, гдѣ оно было похищено. Поговорка: *Вытерещылася якъ баба-ягѣ-касъцяна-на-ягѣ*, т. е., вытаращила такие страшные глаза, какъ-будто сама *Баба-яга* — костанадкоя.

XVIII. Ярыло.

Ярыло — богъ весны и плодоносія. Бѣлорусцы представляютъ его молодымъ, красивымъ, разъѣзжающимъ на бѣломъ конѣ. По ихъ мнѣнію, Ярыло всегда бываетъ покрытъ бѣлою мантіею; на головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цветовъ; въ правой руцѣ держитъ онъ человѣческую голову, а въ лѣвой — маленькой спопикѣ (горсть) ржави-

шыть колесьевъ; ноги у него босыя. Въ честь его Бѣлорусцы празднуютъ время первыхъ деревенскихъ посѣвовъ (въ Бѣлоруссіи) 27 Апрѣля. Обрядъ этого праздника слѣдующій. Вечеромъ (въ сумерки) хороводъ дѣвицъ собирается въ одинъ домъ, и тамъ избравши одну дѣвицу Ярыломъ, одѣваютъ ее точно такъ, какъ они представляютъ Ярыла, и сажаютъ ее на бѣлого коня, привязаннаго къ столбу. Между тѣмъ, хороводъ извивается длинною вереницею вокругъ Ярылы и пляшетъ; у каждой дѣвицы непремѣнно долженъ быть на головѣ вѣнокъ изъ свѣжихъ цветовъ, какіе только могутъ быть въ то время. Если же весна бываетъ теплая и благорастворенная, особенно если самый день праздника хорошъ, то этотъ обрядъ совершается съ разсвѣтомъ дня на чистомъ полѣ, даже на посѣянныхъ нивахъ. Старики-семьяне не только не препятствуютъ этой забавѣ молодыхъ дѣвицъ, но и сами присутствуютъ при ней.

Во время пляски дѣвицы поютъ въ одинъ голосъ пѣсню, въ которой изображены дѣйствія этого минимаго бога, будто бы онъ ходить по всему свѣту, на нивахъ рожь роститъ, и людямъ приносить чадородіе.

А газѣжъ јонъ нагою,
Тамъ жыто капою,

А газѣжъ јонъ ни зырнѣ,
Тамъ коласть зацьвицѣ.

А гдѣ онъ ступить ногою,
Тамъ рожь ростетъ густо (хорошо),

А на какое мѣсто взглянетъ,
Тамъ колость зреетъ.

Пѣсня эта очень длинна. Замѣчательно, что въ хороводныхъ праздникахъ Бѣлоруссіи глазную и

исключительную роль играютъ дѣвицы, а не мужчины (парни) (*).

XIX. Цмокъ.

Цмокъ—духъ въ видѣ змѣи. Три рода Цмоковъ насчитываютъ Бѣлорусцы. Именно: 1) Цмокъ—общий (Цмокъ), 2) домовой (домовикъ) и 3) лѣсной (лѣсовикъ). Объ общемъ Цмокѣ Бѣлорусцы мало знаютъ: кажется, это, по ихъ понятію, просто діаволъ. Общий Цмокъ имѣеть въ своей власти и распоряженіе всѣхъ другихъ Цмоковъ: всѣ прочіе Цмоки должны давать отчетъ Цмоку *общему*. — У каждого семьянинна, говорятъ Бѣлорусцы, есть *домовой*-Цмокъ (но, какъ видно, это уже не діаволь). Онъ поселяется въ домѣ избраннаго имъ семьянинна и, пока съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, не отходитъ отъ него къ другому семьянину. *Домовой*-Цмокъ носитъ своему семьянину деньги, дѣлаетъ нивы его плодоносными, а коровъ дойными (то есть, дающими мно-

(*) Въ этомъ очевиденъ кроткій и миролюбивый нравъ Бѣлорусцевъ. Праздникъ Ярилу совершался и въ другихъ частяхъ Россіи, наприм. въ Воронежѣ, гдѣ благочестивый Епископъ Тихонъ (столь известный своими душеспасительными творениями) призужденъ былъ употребить все влияніе своего святительского сана къ уничтоженію сего праздника въ народѣ. Тамъ наряжали молодаго человѣка и съ плясками выводили его за ворота въ поле, гдѣ происходило такъ-называемое *вгрище* съ плясками, пѣснями, пьянствомъ и кулачными боями или простыми драками. *Прим. Ред.*

го молока); вообще онъ смотрить за всемъ его хозяйствомъ. Разумѣется, все это дѣлается тайно, незамѣтно отъ семьянинъ; впрочемъ, каждый семьянинъ знаетъ своего Цмока-домовика, но не болѣе какъ своего, такъ-что одинъ семьянинъ не знаетъ Цмока-домовика другаго семьянина, даже рядомъ съ нимъ живущаго. За такія услуги Цмока-домовика, семьянинъ, съ своей стороны, долженъ всякий день приготовлять для него яичницу, и ставить ее всегда въ сквородѣ на кровлѣ дома. Говорятъ, что когда одинъ семьянинъ не приготовилъ для своего Цмока-домовика яичницы, то Цмокъ-домовикъ въ ту же ночь скрѣгъ весь его домъ и перешелъ къ другому семьянину. Но этотъ обычай не повсемѣстенъ въ Бѣлоруссіи; болѣе господствуетъ слѣдующій. Каждый семьянинъ, съ своей стороны, обязанъ, въ извѣстные дни года, приготовлять яичницу для своего Цмока-домовика, и, прикрывъ ее частынъ рѣшетомъ, ставить на гумѣцы (мѣсто при гумѣ). Лѣсовой Цмокъ (Лѣсовикъ), говорятъ Бѣлоруецы, непримиримый врагъ домовика, и потому-то онъ все дѣлаетъ на зло ему. Онъ морить у хозяевъ скотъ, дѣлаетъ пизы ихъ неурожайными, ночью высасываетъ молоко у коровъ и похищаетъ дочерей. Этотъ Цмокъ-лѣсовикъ нерѣдко поѣдаетъ яичницы, приготовленныя для Цмоковъ-домовиковъ. Забавный случай въ этомъ отношеніи разсказываютъ Бѣлоруссы, будто бы, однажды, Цмокъ-лѣсовикъ врежде времени успѣлъ оончить порученія Цмока общаго и привѣтъ къ одному семьянину съѣсть яичницу, приготовленную для Цмока-домовика. Въ это время прилетѣлъ въ Цмока-домовикъ. Произошла драка, и на

шумъ, произведенный вми, стеклись поселяне со всей деревни. Но Цмоки, говорятъ, постыдились, и улетѣли. Послѣ этой драки на гумнѣцы осталось много крови и нѣсколько клочковъ мяса.... Вообще въ Цмокахъ въ Бѣлоруссіи сохранилось много преданій, и всѣ онѣ одно другаго забавнѣе и замысловатѣе. Не знаемъ, можно ли Цмока Бѣлорусскаго назвать тѣмъ самымъ Змокомъ, котораго Г. Касторскій приписываетъ Польшь. (См. его Начертаніе Слав. Миеолог., стр. 57). Нѣть сомнѣнія, что этотъ Змокъ въ Польшь то же, что Цмокъ въ Бѣлоруссіи, и что даже гораздо вѣрнѣе будетъ, если въ Польскаго духа называть Цмокомъ, а не Змокомъ. Это можно доказать производствомъ словъ Змокъ, Цмокъ, и самимъ дѣломъ (фактомъ). Если этого духа назвать Змокомъ, то не льзя будетъ найти корня этого слова ни въ Польскомъ языкѣ, ни въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи. Развѣ въ Русскомъ? Но если производить корень этого слова изъ Русскаго языка, то свойства, приписываемыя Цмоку въ Бѣлоруссіи и Змоку въ Польшь, ничуть не оправдываютъ этого словопроизводства. Такъ, если производить змокъ отъ мокнуть (а иначе не льзя на Русскомъ языкѣ), то этимъ ничуть не опредѣлишь значенія слова Змокъ. Но съ какой стати искать корня этого слова въ Русскомъ языкѣ? Равно и опять не доказывается мнѣніе Г. Касторскаго. Въ Польшѣ много разъ рассказываютъ очень страшного про Цмока, и всѣ эти рассказы похожи на рассказы Бѣлорусцевъ. Различіе въ томъ, что въ Польшѣ знаютъ одного Цмока (общаго), который, по мнѣнію Бѣлорусцевъ, есть діаволъ, а въ Бѣлоруссіи насчитываютъ три рода

Цмоковъ. Напротивъ, если мы назовемъ этого духа Цмокомъ, то это слово очень легко и вѣрно можно произвестъ отъ его корня какъ Бѣлорусскаго, такъ и Польскаго, и значеніе его не будетъ противорѣчать самимъ дѣйствіямъ, приписываемымъ Цмоку. Такъ слово Цмокъ происходитъ отъ глагола цмокаць (шокас), который и на Бѣлорусскомъ нарѣчіи и на Польскомъ языке значитъ — свистать, щелкать зубами, шипѣть по-змѣиному. Корень вѣренъ и такой предикать очень идетъ къ змѣю. Итакъ, Цмокъ Бѣлорусскій и Змокъ Польскій есть одинъ и тотъ же нечистый духъ въ образѣ змѣя.

ДРЕВЛЯНСКІЙ.

БЪЛОРУССКІЯ

Н А Р О Д Н Ы Я П О В Ь Р Ъ Я.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ (1).

ХХ. *Вазыла.*

Вазыла, — покровитель лошадей. Бѣлорусцы представляютъ его въ человѣческомъ образѣ, съ лошадиными ушами и копытами; въ одеждѣ, впрочемъ, человѣческой, — для отличія отъ *Кумельгана* (2), который весь покрытъ лошадиною шерстью. По понятію Бѣлорусцевъ, всякий хозяинъ имѣть своего *Вазылу*, который заботится о размноженіи лошадей и предохраняетъ ихъ отъ болѣзней и припадковъ. *Вазыла*, говорять, большую частью живеть въ хлѣвахъ лошадиныхъ, но также всегда присутствуетъ и на такъ-называемыхъ ночлегахъ, когда лошади пасутся большими табунами. На этихъ ночлегахъ особенно необходимо присутствіе *Вазылы*.

(1) Первая статья помѣщена во второй книжкѣ Прибавленій къ Ж. М. Н. Пр. 1846 года.

(2) См. ниже.

какъ для предохраненія лошадей отъ нападенія волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей, такъ — главное — для защищенія ихъ отъ ухищреній непремиимаго врага его *Кумельгана*. Въ слѣдствіе такого повѣрья, Бѣлорусские пастухи, часто, беззаботно проводятъ ночлегъ въ гулянкахъ, или спать, вовсе не присматривая за вѣреннымъ имъ табуномъ хозяйственнымъ, и предоставляемъ лошадей заботливости и бдительности *Вазилы*. Они, обыкновенно, вколачиваютъ на мѣстѣ ночлега огромный шестъ, и втыкаютъ на него костякъ лошадиной головы, думая, что это символическое изображеніе *Вазилы* спасеть табунъ отъ всѣхъ могущихъ встрѣтиться опасностей. Говорятъ даже, будто, въ случаѣ нападенія какого-нибудь звѣра и даже *Кумельгана* на табунъ, лошади, по какому-то инстинкту, сбѣгаются на то мѣсто, гдѣ вколоченъ шестъ съ головою *Вазилы*, и здѣсь находять себѣ спасеніе; потому что ни звѣрь, ни *Кумельганъ* не смѣетъ подойти къ этому мѣсту. Бѣлорусскіе хозяева до того увѣрены въ покровительствѣ *Вазилы*, что часто оставляютъ лошадей своихъ на полѣ, ночью, однѣхъ безъ пастуха, думая, что *Вазила* будетъ пасти ихъ. *Вазила падегэ* (*Вазила* будетъ водить, руководствовать), говорятъ обыкновенно въ этомъ случаѣ.

Бѣлорусцы особенно уважаютъ *Вазилу* (отъ че-го онъ, можетъ быть, и называется — *Вазила*) за то, что онъ, будто бы ночью, привозитъ на себѣ какую-то особенную траву и мѣшааетъ ее въ кормъ лошадиный, отъ которой лошади крѣпнутъ и дѣлаются сильными и рослыми. Не одинъ Бѣлорусскій хозяинъ часто увѣряетъ другаго, будто онъ на-

ходить траву эту въ ясляхъ и имѣть ее на великой случай... Рассказываются также много слухаевъ, что Вазыла, будто бы, майдя Кумельгана въ хлѣбѣ, безпощадно его мучить, и что слышенъ бываетъ ужасный стукъ и топотъ, происходящій отъ драки Вазылы съ Кумельгавомъ. Вазыла въ большомъ уваженіи въ Бѣлоруссіи, но онъ не всегда извѣстенъ подъ однимъ и тѣмъ же именемъ: гдѣ называютъ его Канькачомъ, гдѣ — Хлѣбенкомъ, гдѣ — Табуничкомъ, а гдѣ — Висуоникомъ. Поговорка: слабрѣся, якъ Вазыла эз Кумельганомъ—спѣшился (т. е. дратыся) какъ Вазыла съ Кумельганомъ; изогнѣся безъ Вазылы — измучился безъ (помощи) Вазылы; кичаюся ваньки, бадай Вазыла—ничего, лишь бы (быть алѣсь) Вазыла.

XXI. Гарцуки.

Гарцуки — горные духи. Бѣлорусцы вѣрятъ, что въ большихъ горахъ живутъ духи, подчиненные Перуну. По ихъ понятію, духи эти, при восходѣ и закатѣ солнца, играютъ на горахъ, какъ дѣти; въ полдень стрѣлой носятся они на лошадяхъ по язвамъ и лѣсамъ, а ночью, въ видѣ разныkhъ хищныхъ птицъ, летаютъ въ воздухѣ, по порученію Петрува. Гарцуковъ, говорятъ, безчисленное множество: всѣ они по-очередно находятся на службѣ у Перуна; эти самые Гарцуки возятъ на себѣ зерновой жерновъ, на которомъ разѣжаетъ Перунъ съ огненнымъ лукомъ. Въ Бѣлоруссіи есть повѣры, будто Гарцуки производятъ вѣтры, бури, вихри и

другія разрушительныя явленія Природы. Такъ вѣтеръ, говорятьъ, происходитъ отъ того, что Гарцуки, въ видѣ птицъ, разыгравшись въ воздухѣ, своими крыльями производятъ необыкновенное колебаніе въ воздухѣ; чѣмъ сильнѣе они машутъ крыльями, тѣмъ сильнѣе бываетъ вѣтеръ, такъ-что поднимается буря. Вихри, говорятьъ, происходятъ отъ того, что Гарцуки, въ видѣ дѣтей, разыгравшись, начинаютъ бѣгать въ-запуски одинъ за другимъ круговращательно, отъ чего песокъ столбомъ поднимается вверхъ. Слово «Гарцуки» происходитъ отъ гарца-вѣцъ — играть, бѣгать въ запуски (собственно, по горамъ), отсюда — Гарцуки значить играющій, бѣгающій по горамъ въ-запуски. Поговорки: *Ране угарцеваѣся, штобъ вѣчераиз не гарцеваѣся* — рано играешь (веселишься), какъ бы вечеромъ горе тебя не посыпало; *не гарцеваѣт ба, какъ не доля* — не кутилъ бы, если бъ не удача во всемъ; *чамъж не гарцеваѣцъ, какъ буйдзе шанцарайцъ* — отъ чего же не повеселиться, если повезетъ счастье.

XXII. Дѣвія.

Дѣвія — богиня дѣства. У Бѣлорусцевъ есть обычай, при выходѣ дѣвицы въ замужество, праздновать послѣдній день ея дѣства. Для этого, обыкновенно, вечеромъ того дня, въ домъ невѣсты собирается хороводъ ея подругъ. Невѣста встрѣчаетъ своихъ подругъ со слезами и бросается въ ихъ объятія. Хороводъ подругъ то же плачетъ и сквозь слезы поетъ:

1) Ахъ, Дзѣвоя, ахъ, Дзѣвоя!
Ой не стала зновъ адноя;
Не твоя уже юна
Завтра, завтра бу́дзежна.

Да Дзѣвоечка!
Да Дзѣвоечка!
Да не крывадзь жежткó ты насть,
Не забадзай ее адъ насть.

Переводъ. Ахъ, Дзѣвоя, ахъ Дзѣвоя!
Ой не стало снова одной;
Не твоя ужъ она
Завтра, завтра будеть-то.

Да Дзѣвоечка!
Да Дзѣвоечка!
Да не обимайже жъ ты насть,
Не отнимай ее у насть.

Пѣсню эту, безпрестанно прерываемую всхлипываніемъ, поютъ долго, пока наконецъ невѣста и подруги ея успокоятся нѣсколько. Успокоившись, невѣста просить подругъ садиться, а сама уходить; чрезъ нѣсколько минутъ она опять является и просить подругъ ити съ нею въ *клъць* (*), гдѣ складывается заготовленное для невѣсты приданое. Тутъ-то, въ этой *клъци* начинается смотръ всему приданому по одинакѣ, съ пріпѣвомъ на всякую вещь. Пріпѣвы эти выражаютъ сожалѣніе дѣвицъ о потерянной подругѣ; соединеніе всѣхъ ихъ можно выразить слѣдующими словами: какъ ни хороши эти

(*) *Клъцо* — кладовая въ одномъ зданіи съ жилыми комнатами, гдѣ хранится, большую частью, только платье и бѣлье.

наряды, все же они не нравятся намъ, потому что напоминаютъ о потерѣ нашей дѣвичьей золотой свободы (*волюшки*), съ лишенiemъ которой каждая изъ насъ лишается покровительства *Дзѣвои*. Нако-
нецъ, когда невѣста вынеть *наметку* (*), и пере-
ластъ ее своимъ подругамъ, тогда выхлипыванія
возобновляются: всѣ дѣвицы, какъ испуганныя, от-
скакиваютъ отъ невѣсты. Оставшись одна, невѣста
заливается слезами, и поетъ медленно, вполголоса:

2) Не пакинула мене,
Божничка еще Дзѣвоя,
А вже кинули усъ,
Ба спужалися завоя (*).

А Дзѣвбечка,
Да Дзѣвбечка!
Чы вижжъ я
Не твая?

Переводъ. Еще я не лишилась
Покровительства богини Дзѣвой,
А ужь бросили меня всѣ,
Потому что испугались завоя.

О Дзѣвбечка!
Да Дзѣвбечка!
Не ужели же я
Уже не твоя?

Тутъ дѣвицы опять бросаются къ невѣстѣ и
каждая наперерывъ обнимаетъ ее, стараясь выра-
зить свое расположеніе къ ней и сожалѣніе о поте-

(*) *Наметка*—головной уборъ замужней Бѣлорусянки.

рѣ своей подруги. Затѣмъ, поють, не отступая отъ невѣсты :

3) Што жъ намъ робиць, што жъ намъ робиць
А зазюлечка (*) жъ ты наша ?
Радыбъ вѣшець вынеболиць,
Да даремна будзэе праца.

Што жъ намъ робиць, што жъ намъ робиць ?
Кало наведѣ в Дзѣвбѣ
Цябъ не вѣмбже вынеболиць
Зъ маладэйцкаго завбя ?

Што жъ намъ робиць, што жъ намъ робиць
Любенъкай сестрюнечка ?
Думашыжежъ намъ не шкодзиць,
Што цябѣ (у насъ) не астанеца ?

Што жъ намъ робиць, што жъ намъ робиць ?
Выжбраваць бѣ у Дзѣвбѣ
Ласки для цябъ ; да не здолѣць :
Не ее бачь ты эъ-сягдни.

Переводъ. Что жь намъ дѣлать, что жь намъ дѣлать
Горемыка ты наша ?
Рады бы тебя избавить (отъ этого горя),
Да попусту будетъ наше старанье.

Что же намъ дѣлать, что же намъ дѣлать ?
Когда даже и сама Дзѣвбѣ
Не можетъ тебя избавить
Отъ замужняго завоя ?

Что же намъ дѣлать, что же намъ дѣлать,
Миленъкай сестричка ?

(*) Зязюлечка или Зязюлька собственно значитъ кукушка, въ перевосномъ смыслѣ — плачущій, горюющій неутѣшно, горемыка, а иногда также — миленкій, ах, голубушка.

Неужели же ты думаешь, что намъ не жаль будетъ,
Когда тебя не станеть (у вѣсъ)?

Что же памъ дѣлать, что же намъ дѣлать ?
Мы стали бы вымаливать у Дѣвои
Милости тебѣ ; да вичто не поможетъ,
Потому что завтра ты будешь ужъ не ея.

Послѣ этихъ выражений сожалѣнія и готовности помочь при малѣйшей возможности, дѣвицы надѣваютъ на голову своей подруги-невѣсты наметку, и ведутъ ее въ комнату, гдѣ уже собрано на столъ. Всѣ дѣвицы садятся за столъ, но невѣста въ наметкѣ не садится на приготовленное, для нея мѣсто : она услуживаетъ своимъ подругамъ, подаетъ имъ кушанья, питье и пр. При всякой переменѣ кушанья, она перемѣняетъ и у себя, хотя сама ничего неѣсть. Въ продолженіе всего этого угощенія царствуетъ глубокая тишина. При этомъ угощеніи, равно какъ и при всей этой церемоніи, не бываетъ никого изъ родныхъ невѣсты, за исключеніемъ только сестеръ ея. Послѣ общаго угощенія, невѣста одна садится за столъ — безъ наметки, и тутъ услуживаютъ ей всѣ подруги, наперерывъ желая угодить будущей маладѣзѣ (замужней женщинѣ). По окончаніи угощенія невѣсты, дѣвицы незамѣтно одна за другою уходятъ (даже и сестры ея), такъ что наконецъ невѣста остается одна. Увидѣвъ себя оставленною подругами, она заливается слезами, и, всхлипывая, поетъ :

Переводъ.

4) А Дѣвбечка
Да Дѣвбечка !

О Дѣвбечка
Да Дѣвбечка !

Што жъ мнѣ робиць?
Што жъ мнѣ робиць?

А пакінули
Горкую мене,
Да-й-парынули
Каждая къ сабѣ.

Что же мнѣ дѣлать?
Что же мнѣ дѣлать?

Охъ!.. оставили
Горькую меня;
Да и разбрелись
Всѣ по своимъ домамъ.

Въ это время, родные, услышавъ ея рыданія, входятъ къ ней и стараются утѣшить разными веселыми разсказами. На другой день, тѣ же подруги являются къ невѣстѣ, и поздравляютъ ее съ женихомъ, котораго они приводятъ къ ней.

Дзѣвбоя известна почти во всей Бѣлоруссіи, только подъ разными именами (напр. Калая, Гожня, Сѣва ипр.).

ХХIII. Жыжь.

Жыжь, богъ огня, то же, что Зничѣ у Литовцевъ (или, лучше, древнихъ Ятвяговъ). Бѣлорусцы вѣрятъ, будто Жыжъ то и дѣлаетъ, что расхаживаетъ подъ землею и тамъ выпускаетъ изъ себѣ огонь. Когда онъ ходитьтихо, то чрезъ это, говорять, согревается земля; когда же расхаживаетъ быстро, то земля загарается; отсюда происходятъ пожары въ различныхъ мѣстахъ поверхности земной; пожары эти, говорять, истребляютъ лѣса, выпаливаютъ сѣнокосы, сушатъ огороды, поля, отъ чего они дѣлаются безплодными.

Впрочемъ, о Жыжѣ мало известно въ Бѣлоруссіи: его знаютъ только, кажется, въ Минской Губер-

віи. Поговорки: *Жыжъ унадзиеся—Жижъ т. е. засуха или пожаръ стали часто появляться; неумычны, якъ Жыжъ — неотвязчивъ, пралипчивъ, какъ Жижъ; Жыжска съла — что-то въ родѣ сыпи или лишая съло, показалось (на губахъ). Жыжка въ собственномъ значеніи — прышь на губахъ, бѣникомъ иначе называемый еще въ Бѣлоруссіи.*

XXIV. Жыцень.

Жыцень, богъ осени. Бѣлорусцы представляютъ *Жыценя* нѣсколько грознымъ, какъ будто вѣчно-недовольнымъ на кого-то. По ихъ понятію, *Жыцень* низкаго роста, тощъ, даже костливы; довольно пожилыхъ лѣтъ, съ тремя глазами (третій на затылкѣ); ходить очень тихо, согнувшись; съ всклокоченными волосами. *Жыцень*, говорять, обыкновенно является на поляхъ и въ огородахъ послѣ совершенной уборки посѣвовъ. Расхаживаетъ онъ по полямъ и огородамъ для того, чтобы осмотрѣть, все ли хорошо убрано, какъ слѣдуетъ быть въ добромъ хозяйствѣ. Нашедши на *жніевнику* (*) много колосьевъ, оброненныхъ жнецами, *Жыцень* собираетъ эти колосья и, связавши ихъ въ одинъ снопъ, переносить на другой *жніевникъ*, гдѣ все убрано чисто, съ бережливостью. Слѣдствиемъ этого бываетъ неурожай въ слѣдующемъ году на томъ мѣстѣ, гдѣ *Жыцень* нашелъ много брошенныхъ колосьевъ, а, наоборотъ, обильный урожай на той нивѣ, гдѣ оставилъ онъ снопъ. Точно то же бываетъ и съ огородами, кото-

(*) *Жніевникъ* — мѣсто, гдѣ было посѣяно что-нибудь и уже сжато.

рые посѣщаетъ Жыцень, и въ которыхъ находитъ неопрятность, беспорядки хозяйственныя. Завидѣвши кого-нибудь изъ хозяевъ огорода, Жыцень подходитъ къ нему и грозитъ пальцемъ: это значитъ, что должно ожидать неурожая въ томъ огородѣ. Въ Бѣлоруссіи есть повѣрье, будто Жыцень является иногда въ видѣ нищаго съ обыкновеннымъ своимъ суровымъ лицемъ, грозя пальцемъ всякому встрѣченному. Явленіе это, говорять, всегда бываетъ предвѣстиемъ всеобщаго голода или сильнаго неурожая на слѣдующій годъ. Впрочемъ, въ этомъ видѣ Жыцень является большею частью такимъ хозяевамъ, которые бережливы и старательны по хозяйству, какъ бы изъ любви къ нимъ, для того, чтобы предувѣдомить ихъ обѣ угрожающей опасности и такимъ образомъ дать имъ средство приготовить запасъ хлѣба на голодный годъ. Наконецъ, Жыцень, по преданію Бѣлорусскому, присутствуетъ на полѣ при осеннихъ посѣвахъ, и такъ какъ осенью на поляхъ собственно сѣютъ только рожь (*жыто*), то, кажется, отъ этого богъ осени у Бѣлорусцевъ названъ *Жыценемъ*, чтѣзначить — топчущій рожь (*жыто*), расхаживающій по полямъ, усѣяннымъ житомъ, или просто расхаживающій по ржи. И дѣйствительно, Бѣлорусцы говорятъ, что Жыцень во время посѣвовъ расхаживаетъ (съ грознымъ же видомъ) по посѣянной ржи, и какъ бы все присматривается къ чему-то внизу, утаптываетъ всякое зерно, чтобъ лучше вошло въ землю и скорѣе оплодотворилось земляными соками. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, Жыцень расхаживаетъ по нивамъ хозяевъ старательныхъ и трудолюбивыхъ, которые съ

охотою, по доброй своей волѣ, а не по наказу (по приказанию) занимаются хлѣбопашествомъ. Жыцень преимущественно извѣстенъ въ Могилевской и Минской Губерніяхъ. Поговорки: Жыцень хлѣба давъ — Жыцень послалъ урожай на хлѣбъ; Баржеджей на Жытня, калі въ засѣкѣ хлѣба не прытне—сейчасъ на Жыценя сваливаютъ бѣду, если не окажется хлѣба въ амбарѣ; Жыцень зѣ кабзой, голодъ на дворѣ—коль скоро Жыцень покажется съ сумой нищаго, ожидать голода.

XXV. Зюзя.

Зюзя, богъ зимы. Зюзя происходитъ отъ глагола зозѣць, мерзнуть, колѣть отъ мороза; отсюда, Зюзя значить собственно — мерзнущиій и морозящій. Вотъ какимъ представляютъ Зюзю Бѣлорусцы: онъ, говорятъ, старичокъ съ слѣдами (‘) волосами на головѣ и такою же предлиникою бородою; низенькаго роста, толстый; весь въ бѣлой теплой одеждѣ; ноги у него босы; голова ничѣмъ не покрыта; въ рукѣ носитъ желѣзную булаву. Зюзя, говорятъ Бѣлорусцы, большую часть зимы проводитъ въ лѣсѣ въ разныхъ мѣстахъ. Иногда онъ заходитъ въ деревню по разнымъ причинамъ: или для того, чтобы предупрѣдомить поселянъ о жестокой, суровой зимѣ на будущій годъ, или для того, чтобы оказать какую-нибудь помошь кому-либо; наприм. освободить отъ холода несчастное бѣдное семейство, или (какъ выражаются Бѣлорусцы) просто для того, чтобы кутыѣ

(‘) Бѣлорусцы говорятъ—просто съ бѣлыми волосами, какъ сиѣгъ.

пальщи (кутья покушать). Вотъ что значитъ это выраженіе. Въ Бѣлоруссіи есть повѣрье, будто са-мый сильный, жестокій морозъ бываетъ наканунѣ Новаго Года; но отъ Зюзи зависить причинить или не причинить вредъ этимъ морозомъ. Чтобъ какъ-нибудь умилостивить Зюзю, Бѣлорусцы, наканунѣ Новаго Года, приготовляя, по привычному обыкновенію (*), кутью, откладываютъ часть ея въ особую тарелку (или, лучше, миску), и оставляютъ ее на ночь на особомъ столѣ: кутья остается цѣла, но общее повѣрье говоритъ, что ее съѣдастъ Зюзя. Довольно любопытно Бѣлорусцы объясняютъ, для чего Зюзя носитъ булаву въ рукѣ. Говорятъ, будто Зюзя, разсердившись на людей, обыкновенно удараєтъ своею булавою еѣ какъ-нибудь пень, и этимъ сильнымъ ударомъ происходитъ такой переворотъ, такую ломку по всей землѣ, что земля, а иногда и домуы трескаются. Случалось, говорятъ, иногда быть въ лѣсу въ это время и спрашивать: *хто эта таиз стукинне* (стучитъ)? На этотъ вопросъ было отвѣтъ: *самъ Зюзя стукинае, людзей ущувае* (самъ Зюзя стучитъ, людей страшаетъ, собственно — обра-зумляетъ).

О Зюзѣ Бѣлорусцы отзываются съ какимъ-то особынныемъ уваженіемъ. Поговорки: *Зюзя у хачль, а тутъ ужэ ни спона на палачъ — Зюзя* (т. е. зима) *у дверей* (въ комнатѣ), а тутъ ужъ ни спона (ржи) *на палаткахъ* (въ гумнѣ); *Зюзя стукинае — Зюзя* (морозъ) *трещить, стучить; Зюзя на дваръ, куця на стадъ — Зюзя на дворъ — кутья на столъ.*

(*) Кутья въ это время ставится на столѣ, устланномъ сѣномъ.

XXVI. Кадукъ.

Кадукъ, самый старший () злой духъ.* По повятю Бѣлорусцевъ, Кадукъ живетъ въ самомъ темномъ лѣсу, и притомъ въ вязкомъ болотѣ: тутъ, говорятъ они, на службѣ у него находятся все злые духи меньшіе, подчиненные ему; тутъ Кадукъ чинить расправу надъ ними; отсюда онъ посыаетъ ихъ къ людямъ для совершенія разныхъ козней. Бѣда, говорятъ, если человѣку по несчастливится попасть въ это болото: гибель неизбѣжна; какая-то дурь нападаетъ на человѣка, такъ-что самъ не знаешь, куда поворотиться, куда ступить ногою; по видимому, ходишь по всемъ направленіямъ болота, а между тѣмъ, глядь, стоишь на одномъ и томъ же мѣстѣ. Кадукъ рѣдко самъ выходитъ изъ своего болота; онъ вѣчно занятъ безчисленными распоряженіями и расправами и выдумываніемъ козней противъ людей; онъ тогда только выходитъ изъ своего болота и отправляется къ людямъ, когда какой-нибудь подчиненный духъ не съумѣеть исполнить его порученія. Бѣлорусцы вѣрятъ, будто Кадукъ питается живыми маленькими дѣтьми, которыхъ посятъ ему его подчиненные духи. Поговорки: *бадай цябѣ Кадукъ узив —* чтобы тебя нечистая сила взяла; *бы Кадукъ цябѣ замараравъ —* пусть тебя ощущаетъ (своими сѣтями) Кадукъ. Кадукъ извѣстенъ почти во всей Бѣлоруссіи.

(*) По выражению Бѣлорусцевъ.

XXVII. Кумельгáнъ.

Кумельгáнъ, злой духъ въ видѣ человѣка и лошади. Бѣлорусцы представляютъ его съ человѣческимъ туловищемъ, покрытымъ лошадиною шерстью, и такими же руками и ногами; съ лошадиною головою и такими же копытами на рукахъ и ногахъ, и вѣрять, что онъ ходить иногда, какъ лошадь, на четыренькахъ, а иногда, подражая человѣку, на заднихъ ногахъ. *Кумельгáнъ*, говорять они, какъ злой духъ, находится во враждебныхъ отношеніяхъ съ *Вазилью* (*). Назначеніе его — всегда пользоваться минутною неосмотрительностью *Вазильы*, и тутъ же, по возможности, вредить намѣреніямъ своего врага: мучить, портить, ранить лошадей, подмѣшивать въ ихъ кормъ какое-нибудь ядовитое растеніе и т. п. Еще хорошо, говорятъ, что *Кумельгáнъ* слабъ; не то, онъ могъ бы передушить всѣхъ лошадей; къ счастью, его силы не устоятъ противъ нѣсколькихъ лошадей, и потому двѣ или три лошади могутъ смѣло вступать съ нимъ въ бой. За то *Кумельгáнъ* много выигрываетъ ловкою своею увертливостью: забравшись въ хлѣвъ (разумѣется, во время отлучки *Вазильы*) ночью, онъ обыкновенно вспрывгиваетъ поочередно на каждую лошадь, отдѣленную одна отъ другой перегородками, и всячески ее давить, жметъ и корчить въ-три-погибели до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, лошадь выбѣается изъ силъ и упадетъ за-мертво; потомъ забирается въ другое, третье стойло и т. д., и, такимъ образомъ, въ

(*) См. *Вазилья*.

продолжение ночи, успѣваетъ замучить всѣхъ лошадей, не смотря на свое безсиліе. Хозяева Бѣлорусские стараются подтвердить это своими наблюденіями: говорять, будто они сами слышали, какъ лошади иногда какъ-то дико ржутъ въ хлѣвѣ и чутъ не опрокидываютъ своихъ перегородокъ; но стоять только войти въ хлѣвѣ нѣсколькимъ человѣкамъ, и Кумельгѣна какъ не бывало. Не менѣе вредныи находять Бѣлорусцы Кумельгѣна и во время noctlegovъ лошадиныхъ на поляхъ. Кумельгѣнъ, говорятъ, воспользовавшись отсутствіемъ Вазилы и беспечностью пастуховъ, отводить изъ табуна по одной лошади въ глубь лѣса и тамъ мучить ихъ такъ же, какъ и въ хлѣвѣ. Кумельгѣнъ такъ же отводитъ (*) жеребятъ отъ кобылъ; но не мучить ихъ, а оставляетъ на добычу хищнымъ звѣрямъ. Причина, почему Кумельгѣну часто удается пробираться въ табунъ лошадиной, не будучи ни кѣмъ замѣчену, та, по словамъ Бѣлорусцевъ, что онъ совершенно похожъ на лошадь; къ тому же онъ можетъ принимать любой цвѣтъ шерсти и такимъ образомъ обманываетъ хозяевъ: принявши масть лошади какого-нибудь хозяина, онъ спокойно входитъ въ хлѣвѣ, не встрѣчая со стороны хозяина никакого препятствія; иногда даже хозяинъ самъ отпираетъ ему хлѣвѣ, принимая его за свою лошадь. Слово Кумельгѣнъ происходитъ отъ *кумелъ* или *камель* — нижняя часть туловища животныхъ, заднія ноги, лапы, или отъ *кумелъгѣнъ*, становить-

(*) Т. е. какъ-то невидимо увлекаетъ за собою жеребенка, такъ что мать и не замѣтитъ.

ся на заднія лапы. Отсюда *Кумельгáнъ* значитъ — животное, которое ходить на заднихъ лапахъ. Поговорки : *Кумельгáнъ унáдзився* — Кумельгáнъ началъ пробираться въ хлѣвъ, то есть, пошелъ падежъ на лошадей; *сабáка слúжиць, якъ Кумельгáнъ* — собака стоитъ на заднихъ лапахъ, какъ Кумельгáнъ; *штобъ на таблó Кумельгáнъ пэздзивъ, а не добрые людзи*—пусть на тебѣ ъздитъ Кумельгáнъ, а не добрые люди (ругательства погонщиковъ Бѣлорусскихъ, когда лошадь дурно везеть).

XXVIII. *Лазавíкъ.*

Лазавíкъ, какой-то лѣсной богъ, живущій въ лозѣ. Бѣлорусцы представляютъ его карликомъ-старичкомъ, не больше ноготка, одноглазымъ, съ аршинною бородою, всегда посящимъ при себѣ длиннѣйшій (въ семь саженъ) кнутъ. Онъ обыкновенно, говорять, живеть въ лозѣ, въ маленькомъ домикѣ, окруженному болотомъ; домикъ этотъ безъ дверей и оконъ, только съ малымъ отверстиемъ на крышѣ, куда обыкновенно пробирается самъ *гаспадáръ* (хозяинъ), т. е. *Лазавíкъ*; домикъ этотъ неприступенъ для людей: какъ только кто-нибудь вздумаетъ подойти къ нему, домика какъ не бывало на томъ мѣстѣ, уйдетъ дальше; человѣкъ заnimъ, — домикъ дальше отъ него. *Лазавíкъ*, говорять, часто расхаживаетъ по разнымъ болотамъ. Тутъ его сейчасъ узнаешь: глазокъ его сверкаетъ, какъ огонекъ (понятіе Бѣлорусцевъ о болотныхъ огонькахъ). Что дѣлаетъ *Лазавíкъ* своимъ кнутомъ, и для чего носить его съ собою, Бѣлорусцы сами не знаютъ. *Лазавíкъ*

известенъ въ Бѣлоруссіи подъ разными другими именами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ называется *Болотникомъ*—живущимъ въ болотѣ, а въ другихъ—*Водовикомъ* (1)—живущимъ въ водѣ. Поговорки:

Самъ эъ ибкацъ
Барада эъ лбкацъ
А пуга эъ пугавьёмъ
Бадай на семь сажонъ.

Самъ съ ноготокъ,
Борода съ локотокъ,
А кнутъ съ рукояткой
Почти на семь саженей.

XXIX .Любмѣль.

Любмѣль, кажется, богъ брака, какъ можно предполагать на основаніи слѣдующаго обряда, совершаемаго и доселѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (2) Бѣлоруссіи, въ честь *Любмѣла*. Въ день брака, наряжаютъ красиваго мальчика, лѣтъ 10 или 12-ти, въ бѣлую рубашку съ красивымъ кушакомъ, въ красные сапоги или башмаки; на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ красныхъ цвѣтовъ или красный завой на подобіе вѣнка: таковъ, по понятію Бѣлорусцевъ, Любмѣль. Когда свадебный поѣздъ возвратится изъ церкви, и невѣста съ женихомъ ступятъ на порогъ дома, Любмѣль, въ сопровожденіи родителей молодыхъ (3), выходитъ къ нимъ на встрѣчу и подаетъ въ красномъ платкѣ деньги (мѣдпыя); молодые, взявъ деньги съ платкомъ, и поклонившись Любмѣлу въ ноги, ведутъ его подъ руки въ комнату и сажаютъ

(1) См. Ж. М. Н. Пр. Ч. XL. Отд. II, статью о *Волосѣ*.

(2) Преимущественно въ Минской и Витебской Губерніяхъ.

(3) Молодые, т. е. женихъ и невѣста.

сь собою на почетное мѣсто. Тутъ слѣдуютъ различ-
ные привѣтствія и поздравлѣнія молодыхъ, за тѣмъ—
угощеніе. Во время угощеній, молодые не сами бе-
рутъ подносимыя имъ кушанья, сласти, напитки и
пр., а ихъ потчуєтъ изъ своихъ рукъ Любмѣль. По-
слѣ угощеній, какъ водится, начинаются пляски; но,
между многими свадебными плясками, особенно замѣ-
чательна одна, которая имѣеть отношеніе къ Люб-
мѣлу, и которою, обыкновенно, начинаются и оканчи-
ваются танцы. Вотъ она. Посреди комнаты, на ска-
мейкѣ садятся молодые и между ими Любмѣль; во-
кругъ ихъ хороводъ (*) составляетъ четыре кружка,
изъ которыхъ въ каждомъ по четыре человѣка; въ
такомъ видѣ хороводъ пляшетъ вокругъ молодыхъ и
Любмела, и поетъ слѣдующую пѣсню:

(Къ невѣстѣ) Прыгожая ты красачка
Усѣлася зъ Любмѣломъ;
Бадайже юнъ табѣ, матачка,
Давъ долю зъ тванимъ малымъ.

Любмѣль, Любмѣль;
Да Любмѣль жежъ, Любмѣль!

(Къ жениху) Прычапурывся жежъ малады
Зъ сваюю юнъ маладою
Адъ Любмѣла на всѣ гады
Прасаіць доли зѣ-парою.

(*) Въ этомъ хороводѣ участвуютъ не однѣ дѣвицы, но и моло-
дые пары.

**Любмель, Любмель !
Да Любмель жежъ, Любмель !**

(Къ Любмелу) Да лайжежъ виъ счастье—долю,
Любмель ты нашъ, а большъ начій !
Калі ты ихъ пасадзівъ зъ сабою ,
Не кіньже ихъ, не пабратуюча.

**Любмель, Любмель !
Да Любмель жежъ, Любмель !**

Переводъ. Прекрасная, какъ цвѣтокъ,
Ты съяла возлѣ Любмѣла :
Пусть же онъ тебѣ, малюточка,
Дастъ счастье съ твоимъ малымъ.

Приварядился женихъ
Виѣстѣ съ своею невѣстой ;
И вотъ просатъ у Любмѣла
Счастья на будущее время —въ добрую
пору.

Дай же виъ счастье Любмель,
Ты нашъ, а больше ни чей ;
Когда ты удостовѣръ ихъ посадить возлѣ себя,
То и не брось ихъ, не исполнивъ ихъ просьбы.

По окончаніи этой пляски съ пѣснею, молодые и Любмель садятся, по прежнему, на своихъ почетныхъ мѣстахъ. Наконецъ, когда молодыхъ проводятъ къ брачному ложу, Любмель снимаетъ съ жениха сапоги, а съ невѣсты башмаки, и кладетъ въ нихъ деньги. Эти деньги молодые хранять, какъ священ-

ный залогъ взаимной любви и счастья: если, говорять Бѣлорусцы, женихъ или невѣста потеряетъ *Любмѣлы* (брѣши) (деньги), то имъ измѣнить счастье. Бѣлорусцы равно дорожатъ и тѣми деньгами, съ которыми Любмѣль встрѣчаетъ молодыхъ при входѣ ихъ изъ церкви въ родительской домъ. Поговорки: *Любмѣлы* брошы *згубіев* — Любмѣловы деньги потерялъ, т. е. счастье измѣнило (извѣстному семейству); *Любмѣль не давъ счастыя-доли* — Любмѣль не далъ счастья; *весь на Любмѣла*, весь въ Любмѣла, т. е. хорошъ, красивъ, какъ Любмѣль.

XXX. Ляля.

Ляля, богиня весны. Бѣлорусцы представляютъ ее въ видѣ молоденкы, красивой, стройной, высокой дѣвушки. Празднованіе въ честь ея бываетъ наканунѣ Юрьева дня. Обыкновенно, часа въ три по полудни, на чистомъ лугу (а иногда подлѣ дома въ огородѣ) собирается хороводъ молодыхъ дѣвушекъ. Выбравши изъ среды себя подругу, которая вполиѣ выражала бы собою понятіе ихъ о Лялѣ, хороводъ Бѣлорусянокъ одѣваетъ ее въ длинный бѣлый саванъ, перевязываетъ ей шею, руки и станъ разною зеленою, а на голову кладеть вѣнокъ изъ разныхъ весеннихъ цветовъ. Въ такомъ нарядѣ сажаютъ дѣвушку — Лялю на дерновую скамью, на которой, съ одной стороны, поставленъ кувшинъ съ молокомъ, сыръ, масло, яйца, сметана и творогъ, а съ другой — хлѣбъ; у ногъ Ляли кладутъ нѣсколько вѣнковъ изъ зелени, соотвѣтственно числу дѣвицъ, составляющихъ хороводъ. Потомъ, взявши

за руки, хороводъ дѣвушекъ пляшетъ вокругъ сидящей Ляли, и поеть въ похвалу ей пѣсню, которую заключаетъ слѣдующею просьбою :

Дай намъ жытцу	Дай намъ жита
Да пшавицу.	И пшеницы.

Въ агародзѣ,	Въ огородѣ,
Сѣнажацѣ	Сѣнокосѣ
	(Сѣнай)

Побывы грѣды,	Полнымы грѣды,
Ровны зрѣды.	Гладкими покосы.

Напѣвъ этой пѣсни очень протяженъ, и потому ее поютъ очень долго, послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, восклицая : Ляля, Ляля, наша Ляля ! Окончивши пляску и пѣсню, хороводъ садится у ногъ Ляли и снова поеть :

Наша Ляля, Ляля
Насъ накормиць зусимъ,
Штобъ зъ весны на лѣта
Усѣ, што тутъ гэта,
Гадавала засимъ.

Ляля, Ляля,
Ой да Ляля, Ляля !

Переводъ. Наша Ляля, Ляля
Насъ накормитъ вдоволь,
Чтобъ съ весны на лѣто
Все, что здѣсь — вотъ это,
Откоримо (насъ) досыта.

Ляля, Ляля,
Ай да Ляля, Ляля !

Тутъ Ляля раздастъ всѣмъ дѣвицамъ пооче-редно молоко, масло, сыръ и т. д. до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, ничего не останется. Послѣ это-го, дѣвушки встаютъ и начинаютъ опять плясать вокругъ Ляли, пригѣвая прежнюю пѣсню. Во время этой пляски и пѣсни, Ляля беретъ вѣнки и бросаетъ по одному на пляшущихъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, всѣ дѣвицы не схватятъ по вѣнку. Вѣнки эти дѣвушки хранятъ до слѣдующей весны, а иѣкоторыя, въ случаѣ замужства, и долѣе, ино-гда во всю жизнь, какъ нѣчто завѣтное, святое. По окончанію всѣхъ этихъ церемоній, иѣсколько дѣвицъ, въ сопровожденіи прочихъ, берутъ Лялю подъ руки, сводятъ ее съ дерновой скамьи, и, напѣвая прежнія пѣсни, проводятъ ее домой. Саванъ и зелень, въ ко-торые одѣта была Ляля, прячутъ до другой весны.

Ляля — на Бѣлорусскомъ нарѣчіи значитъ — миловидная дѣвушка: отъ того и имя *Ляля*, усвое-мое Бѣлорусцами богинѣ весны, выражаетъ изобиліе цвѣтущаго здоровья, свѣжести, красоты. *Ляля* из-вѣстна во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, но подъ разными названіями. *Поговорки*: *Прыгожая, якъ Ля-ля* — красива, какъ Ляля; *на Ляльникъ нагуллемся* — на праздникъ въ честь Ляли повеселимся вдоволь.

XXXI. *Mария.*

Мария, какой-то духъ или привидѣніе (*). По понятію Бѣлорусцевъ, Мария преслѣдуетъ людей,

(*) И по производству (отъ *маравацъ*) *Мария* знач. призракъ, привидѣніе, ночное явленіе.

сдѣлавшихъ какое-нибудь злодѣяніе: для этого она обыкновенно принимаетъ видъ того человѣка, кото-
рого преслѣдуешь, и, выставляя предъ нимъ его пре-
ступленіе, не даетъ ему нигдѣ и никогда покоя, такъ что, говорять, преслѣдуемый человѣкъ при-
нужденъ бываетъ объявить о своемъ преступленіи
предъ начальствомъ. Бѣлорусцы говорятъ также, будто Марна преслѣдуетъ людей преступныхъ и по-
слѣ ихъ смерти: принять на себя образъ умерша-
го преступника, она является во снѣ роднымъ его и не даетъ имъ покоя до тѣхъ поръ, пока они не от-
кроютъ злодѣянія покойника предъ народомъ. Марна извѣстна во всей Бѣлоруссіи, и, вѣроятно, преданіе обѣй ей сохранилось между Бѣлорусцами по наслѣд-
ству отъ древнихъ Славянъ. Такъ думать можно на томъ основаніи, что Марна или Мара извѣстна и между другими народами Славянскаго племени, и —
что главное — въ томъ же значеніи, въ какомъ употребляютъ Бѣлорусцы. У Поляковъ болѣе всѣхъ извѣстна Мара, Марна, и значитъ — блуждающій
 духъ, призракъ, привидѣніе; говорятъ: *Sen — Mara, Pan Bóg — wiara*, что значитъ: Господь — вѣра,
сонъ — призракъ (поговорки). У Кельтоевъ находимъ слово *Mar*, что значитъ — призракъ, иногда —
смерть. Также у Карпатскихъ Славянъ въ употреб-
леніи слѣдующее заклятие: *Mára by ia wiata* —
привидѣніе тебя возьми. Неизвѣстно, какимъ обра-
зомъ въ Оренбургскую Губернію попало созвучное слово *Марнъ*—*Марѣво*, *Марніво*; тамъ до сихъ поръ
степные призраки строеній, водъ и пр. называются
Марѣвомъ, *Марнівомъ*. Поговорки: *Пропадай ты, бы
Мáрня*—исчезни ты, какъ Марна (духъ); *Штобъ ця-*

бѣ змарнявѣло—чтобъ ты исчезъ (чтобъ тебя не стало); *Марня ходиць, лихою человѣка гоциць*—Марня расхаживаетъ предъ грѣшнымъ (дурнымъ) человѣкомъ и выставляетъ предъ нимъ его недобрья дѣла.

XXXII. *Mésha.*

Mésha, какой-то нечистый духъ. По повѣрю Бѣлорусцевъ, нечистые духи не иначе являются людямъ, какъ въ видѣ животныхъ; если же въ образѣ человѣка, что случается весьма рѣдко, то самаго гадкаго, отвратительнаго по виду. *Mésha* — тоже нечистый духъ въ видѣ какого-то косматаго животнаго, небольшаго роста, чернаго цвѣта; онъ живетъ въ развалинахъ какого-нибудь зданія, вреда никому не дѣлаетъ, а только иногда пугаетъ проходящихъ. Это, говорятъ, злой духъ, который лишенъ Кадукомъ (*) силы вредить людямъ и осужденъ на мученія. Иногда *Mésha* пробирается и въ жилой домъ; но здѣсь пріютомъ его бываетъ подпечекъ (яма подъ печкою для сора), гдѣ онъ и питается чѣмъ ни попало. Ночью онъ выползаетъ изъ-подъ печки и нерѣдко, сдружившись съ домашнею собакой, спить съ нею на полу посреди комнаты; днемъ онъ не показывается. Поселеніе *Mésha* въ какомъ-нибудь жиломъ домѣ считается несчастьемъ. *Mésha*—почти общеизвѣстное имя во всей Бѣлоруссии: этимъ именемъ нянки страшатъ дѣтей. Поговорки: *Туллется за угломъ, якъ*

(*) См. слово *Кадукъ*.

Мёша—выказывается изъ-за угла, какъ Мёша; *Мы́сичъ*, *Мёша прысябрыйся*—вѣрно, Мёша придрожился, т. е. поселился (въ какомъ-нибудь жиломъ домѣ).

XXXIII. *Палліндра.*

Палліндра, богиня смерти, то же что у Литовцевъ (древнихъ Ятвяговъ, жителей нынѣшней Гродненской Губерніи) была *Мажанна*. Палліндра, говорятъ Бѣлорусцы, находится въ враждебныхъ отношеніяхъ съ людьми, и потому рада бываетъ, если люди чаще умираютъ: она тотчасъ, въ видѣ безобразной женщины, является въ дома умирающихъ людей и тамъ забираетъ души. Души эти она передаетъ *Бабль-ягѣ-касьцянѣ-нагѣ*, съ которойю находится въ большой дружбѣ, такъ что часто вмѣстѣ съ нею разъѣзжаетъ въ одной желѣзной иготи. По повѣрю Бѣлорусцевъ, Баба-яга-костяная-нога и подчиненные ей вѣдьмы питаются душами людей, отъ чего онѣ и дѣлаются воздушными, легкими, какъ души. Поговорки: *Бадай цібъ Палліндра змарнява́ла* — чтобы тебя сгубила (свела со свѣта) Палліндра, чтобы тебя не стало на свѣтѣ; *Палліндра учемѣрыла́ся*—моръ (повальная смерть) усилился, вскоренился; *кабъ ты запалліндраўася* — чтобы тебя скорчило (чтобъ ты умеръ жалкою, мучительною смертью). Когда Бѣлорусцы говорятъ о смерти какого-нибудь доброго человѣка, то обыкновенно отплевываются и приговариваютъ: *А-кышъ Палліндра, не табль, а кышъ!*.. т. е прочь Палліндра, прочь,— не досталась бы тебѣ (эта душа). Замѣчательно, что точно такія

же заклятия (1) употребляемы были Вайделотами Ятвяжскими (Литовскими) противъ Мажанны, когда они приносили въ жертву людей богинѣ жизни Зисль; они вѣрили, что, во время жертвоприношений, Мажанна, въ видѣ хищной птицы, кружилася надъ жертвеникомъ.

XXXIV. Талака.

Талака, покровительница жатвы и плодородія. Она въ большомъ уваженіи у всѣхъ Бѣлорусцевъ, и, кажется, по всей Бѣлоруссии извѣстна подъ однимъ этимъ именемъ. Праздникъ въ честь ея бываетъ не вездѣ въ одно время: въ иныхъ мѣстахъ раньше, въ другихъ позже, смотря по тому, гдѣ когда бываетъ уборка всѣхъ посѣвовъ, а иногда только хлѣба. Празднованіе въ честь Талаки бываетъ очень торжественное, радостное, выраждающее благодарность за вспомоществованіе въ счастливой, окончательной уборкѣ жатвъ. Вотъ оно. Обыкновенно, въ тотъ день (2), когда назначается окончательная уборка посѣвовъ у какого-нибудь зажиточного хозяина, собирается къ нему (по его приглашенію) множество жницъ (3) бесплатно пожать,

(1) Вотъ эти заклятия: «прочь отсюда кровененасытимая Мажанна! а-кышъ! а-кышъ! Не задувай жертвеннаго огня крыльями хищной птицы (летучей мыши); не радуйся, потому-что жертва, которую ты видишь, посвящается не тебѣ, но Зисль». См. Минищевскаго — *Jadźwingowis*. Ч. 1-я, стр. 209; также — Нарбута, *Dzieje Litwy*.

(2) День этотъ по-Бѣлоруски называется — дожынки, а иногда именемъ самой богини — Талака.

(3) Въ Бѣлоруссии жнуть всегда женщины, а не мужчины.

единственно для Талаки (т. е. ради праздника въ честь Талаки), какъ они выражаются. Подъ-сумерки, когда дожинаютъ уже послѣдній загоно (маленький участокъ), каждая изъ жницъ откладываетъ по колосу для одного общаго спона, назначаемаго въ честь Талаки. Собравши такимъ образомъ значительное число колосьевъ, Талачейки (*) связываютъ всѣ вмѣстѣ общиі дожиночный спонъ. Между тѣмъ, на нивѣ оставляютъ небольшой клочекъ посѣва: изъ этого клочка Талачейки (также всѣ вмѣстѣ) дѣлають вѣнокъ, вплетая въ него разные цветы и пахучія травы. Связавши общиі спонъ и сдѣлавши Талаковы вѣнокъ, хороводъ Талачеекъ бросаеть жребій, кому придется быть Талакою. Избравши Талаку, хороводъ украшаетъ ее разными цветами, даетъ въ руки (дожиночный) спонъ, а на голову ея надѣваетъ (Талаковы) вѣнокъ съ длиннымъ бѣльемъ покрывающимъ въ родѣ шали. Послѣ этого, хороводъ окружаетъ Талаку, и, переплетшись вокругъ нея вѣнкомъ, пляшетъ, припѣвая:

Добры вѣчаръ, добры вѣчаръ!
Добры вѣчаръ, Талака!
Да ухаровѣньжектка
Ты насть гѣценечки вѣчерь.

Ла вазьміжъ адъ нась, вазьмі-но
Гэты збожны ты спапоکъ;

(*) Дѣвушки, принимающія участіе въ церемоніяхъ праздника Талаки; они и отличаются отъ прочихъ жницъ, которыхъ собираются на Талаку собственно для того, чтобы попить да поѣсть на счетъ богатаго хозяина, справляющаго дожинки.

Да надѣнь же, надѣнь-но
Зъ красками прыгажъ вѣнокъ !

Зъ гѣтымъ добрымъ пойдемъ же мы
Къ пану да къ гаспадару
Принесемъ же мы имъ
Счастьечко тваѣ въ харомы.

Юнъ той нацъ—гаспадарыкъ
Справицъ намъ дажинаки,
Выставицъ пажитачки
Да зъ засѣкавъ напихалыхъ.

Переводъ. Добрый вечеръ, добрый вечеръ!
Добрый вечеръ, Талака!
Угости же ты весь хороводъ
Въ этотъ (этажкой) вечеръ.

Да возьми же, возьми-ка отъ насть
Этотъ снопъ изо ржи (вообще—изъ посѣва),
Да надѣнь же, надѣнь-ка
Красивый вѣнокъ съ цветами!

Съ этимъ добромъ мы пойдемъ
Къ господину хозяину;
Принесемъ мы ему
Твое счастье въ хоромы.

И этотъ господинъ хозяинъ
Справитъ вамъ дажинки,
Угоститъ своимъ добромъ,
Котораго у него полны амбары.

Послѣ этой пѣсни, хороводъ Талачеекъ, поставивъ впереди Талаку и расположившись сряду за

нею попарно, отправляется въ такомъ церемоніальномъ порядке въ домъ хозяина. Въ слѣдъ за хороводомъ Талачеекъ идутъ жницы, неучаствующія въ церемоніяхъ праздника. Въ продолженіе всей дороги до самаго дома хозяина, Талачейки поютъ слѣдующія пѣсни :

Выйди, выйди, гаспадарыку,
Спатькаць зъ усакимъ збожжемъ
Талаку; раскрый же хатачку
Да передъ такимъ же госьцемъ.

Паклавися жъ павни Талацъ,
Паклавися ёй вайнишай;
Пасадайжъ ее да на куцъ,
Што есть тольки да вайвайшай.

Выйди, выйди, гаспадынечка
Спатькаць зъ усими госьцымъ
Талаку жъ-мо у вароцечка;
Стань ёй борзна, на-укосьни.

Паклавися жъ павни Талацъ,
Паклавися жъ ты ёй каркамъ
Выставь, выставь ей да на сталь
Саламашки и зъ прысмакамъ.

Переводъ. Выйди, выйди, хозяинъ,
Встрѣчать со всякимъ добромъ
Талаку; отвори же двери (дома)
Такому гостю.

Поклонись госпожъ Талакъ,
Поклонись сїй пониже;

Посади ее на почетномъ месте,
На самомъ лучшемъ въ домѣ.

Выйди, выйди, хозяюшка,
Встрѣтить Талаку
Со всѣма (прочими) гостями у воротъ;
Остановись предъ мною съ покорностью — со-
ткнувшись.

Поклонись же госпожѣ Талакѣ,
Поклонись же ты ей, не жаль спины;
Поставь-ка, поставь на столъ
Саламахи (1) съ лакомствомъ.

Междудѣнье хозяинъ, у которого уже приготовлена пирушка для жница, заслышавъ пѣсни хоровода, съ семействомъ и гостями своими, собравшимися у него по случаю дожинокъ, выходитъ изъ хаты и останавливается у воротъ съ тѣмъ, чтобы встрѣтить Талаку съ хлѣбомъ-солью чѣмъ Богъ послалъ. Вотъ подходитъ къ воротамъ хороводъ съ Талакою, и доморощенная Бѣлорусская музыка встрѣтываетъ гостей оглушительнымъ звономъ. Хозяинъ подноситъ хлѣбъ-соль Талакѣ и кланяется ей въ-поясь. Талака принимаетъ хлѣбъ-соль, отдаетъ въ-замѣнъ хозяину дожиночный снопъ (2), и, въ сопровождѣніи гостей, идетъ съ хороводомъ въ домъ хозяинъ

(1) *Саламаха* — очень сладкій и пріятный напитокъ, составляемый для этого изъ водки, меду, сливъ и вишень.

(2) Этотъ снопъ хозяинъ ставить въ углу комнаты подъ самою иконой, гдѣ онъ стоитъ три дня; потомъ его вымочиваютъ и изъ зеренъ дѣлаютъ кашу, которой разговляются, какъ новинкою.

на. Хозяинъ и хозяйка беруть Талаку подъ руки и сажаютъ ее на *куту* (1). Возлѣ Талаки садится весь хороводъ Талачеекъ; остальные гости помѣщаются кто въ сѣнахъ, кто на дворѣ, гдѣ приготовлены столы и скамьи. Когда всѣ размѣстятся, хозяйка подноситъ Талакѣ, потомъ Талачейкамъ и наконецъ всѣмъ гостямъ по *сту́пачкѣ* (2) саламахи, пробуя изъ каждой ступачки сама, прежде нежели отдать гостьѣ (3). Отвѣдавъ саламахи и перекусивъ кое-чего, хороводъ Талачеекъ привѣтствуетъ хозяевъ сѣдущими пѣснями:

Весёлы вѣчаръ да настѣвъ
Для насть тутъ у вашецахъ;
Бадай-но то тольки не прыставъ
Къ намъ чмуръ адъ сту́пакъ гэтыхъ.

А всёжъ таки мы дзакуемъ
За ваше частаване;
И отъ затобѣ же парадуемъ
Мы ваше працеване.

Переводъ. Веселый вечеръ насталъ
Для насть тутъ у вѣсъ;
Только какъ бы не пристало
Къ намъ опьяненіе отъ этого напитка.

Но все-же мы благодаримъ
Вѣсъ за ваше угощенье;
И вотъ за-то потѣшимъ
Вѣсъ за ваши труды.

(1) *Кутъ* — уголь, почетное мѣсто въ домѣ.

(2) *Ступачка* — деревянный кубочекъ.

(3) Мужчинъ здѣсь не бываетъ, кромѣ музыкантовъ.

Послѣ этого гости раздѣляются на двѣ партіи: пожилыя женщины и старухи остаются въ комнатѣ, и, засѣвши вокругъ стола, начинаютъ попойку: на этотъ разъ хозяинъ не жалѣеть ни водки, ни закусокъ всякаго рода. Между тѣмъ хороводъ Талачеекъ вмѣстѣ съ Талакою выходитъ на дворъ, и тутъ на открытомъ воздухѣ, при звукахъ музыки, пляшетъ до-упаду. Въ пляскахъ, разумѣется, всегда въ первой партѣ выступаетъ Талака, съ которой очень вѣжливо обращаются Талачейки; во время танцевъ также поютъ, но эти пѣсни не имѣютъ никакого отпорошенія къ Талакѣ: тутъ поютъ всякия народныя пѣсни, какія кто знаетъ. Очень интересны пляски въ честь Талаки (1), которыхъ, къ сожалѣнію, не льзя никакъ передать на словахъ по причинѣ многосложности и разнообразія безчисленныхъ фигуръ. Наплясавшись вдоволь до поздняго вечера, и порядочно проголодавшись, дѣвицы собираются въ одну группу, и, въ сопровожденіи Талаки, подходятъ къ окошку дома и поютъ (какъ-будто обращаясь къ Талакѣ):

Гаспадыя Цлцера! (2).

А чы гатова вечёра?
Калі уже гатова,
Заві, — парá да стбла.

(1) Одна изъ этихъ плясокъ называется, въ честь Талаки, *Талакінъ* (т. е. танецъ).

(2) *Цлцера* не имѣть никакого значенія на Бѣлорусскомъ нарѣчи, и корень этого слова трудно отыскать; быть можетъ, слово *Цлцера* есть исковерканное собственное имя — *Церера*, богиня жатвы?...

Столъ накрый абрусомъ,
Повны мисы зъ скусамъ
Ставъ: да наставляй намъ
Марцышаны зъ масамъ.

Переводъ. Госпожа Перера!
Готовъ ли ужинъ?
Если ужь готовъ
Зови — пора кушать.

Столъ пакрой скатертью,
Поставь на немъ вкусные блюда,
Да наставляй также еще
Разныхъ сластей и маса.

У хозяйки, разумѣется, все уже приготовлено, и потому просьба хоровода тутъ же удовлетворяется. Столы на дворѣ наполняются лучшими кушаньями, пивомъ и легкимъ медомъ (сладкимъ); все это, разумѣется, для дѣвицъ. Между-тѣмъ, пожилыя женщины и старухи, напившись вдоволь въ комнатѣ, выходятъ также на дворъ и принимаютъ участіе въ потѣхѣ молодежи: здѣсь не обходится безъ смѣшныхъ сценъ, потому что бабы бывають довольно хмѣльны. По окончаніи ужина, хороводъ съ Талакою подходитъ къ хозяевамъ благодарить за угощеніе поцѣлуями (1). За тѣмъ Талака снимаетъ съ головы вѣнокъ и отдаетъ его хозяину (2), по-

(1) Всѣ до одной Талачейки должны поцѣловать хозяйку.

(2) Вѣнокъ этотъ хранится цѣлый годъ, до слѣдующаго поѣза; тогда его вымolaчиваютъ и зернами этого вѣнка заѣзываютъ пашню.

крывало же остается у нея на память. Хороводъ кланяется въ это время и поетъ :

Штобъ табѣ да Талака
Урадзіла и на прышлась ;
Штобъ нигдѣ ни изъ гумна
Збожья всякаго не вышлась.

Переводъ. Пусть Талака пошлетъ тебѣ
Урожай и на будущій годъ,
Такъ чтобы никогда не выходило
Изъ твоихъ амбаровъ (въ зернахъ) добро.

Хозяинъ благодаритъ скороговоркою :

Дзякуй за тое
Просимъ на другое...

т. е. благодарю за теперешнее ваше посѣщеніе, прошу прійти и на другой годъ.

Послѣ этого гости расходятся ; но хороводъ и уходя поетъ разныя пѣсни, которые относятся къ Талакѣ. Вотъ—напримѣръ :

А Талака жъ ты, Талака !
Да шырая жъ ты Талака ;
Да нагадуйжъ отъ узнавъ
Гаспадару таму снапкоў.

Да нарадзіжъ-на ты яму
Жытца—жытца сто карабовъ ;

Да штобъ зъ яго тамъ хорамовъ
Везли добро зъ дабромъ къ шаху (1).

Переводъ. А Талака же ты, Талака!
Да щедрая ты Талака!
Пошли урожай опять
На поле хозяину этому.

Да уроди-ка ты сму
Ржи—ржи сто коробокъ (большихъ),
Такъ чтобъ изъ его дома
Вывозили добро въ городъ (продавать).

Куплеты эти очень протяжно поются, въ продолженіе всей дороги, до самаго дома Талаки, куда хороводъ Талачеекъ обязанъ отвести ее.

На другой день бываетъ маленькое угоженіе у Талаки, на которое она приглашаетъ всѣхъ вчерашихъ своихъ подругъ — Талачеекъ: тутъ особенного ничего не бываетъ.

XXXV. Цециа.

Цециа, богиня лѣта. По понятію Бѣлорусцевъ, Цециа различается отъ Ляли (2), богини весны, тѣмъ, что первая немнogo старѣе второй. Цециа—это уже не моло-денькая, стройная, тоненькая дѣвушка, а дородная, пожилая, полная женщина; она, говорить, является лѣ-

(1) Шахъ—собственно значить—столбовая, большая дорога; въ переносномъ значеніи—городъ, даже городъ торговый, промышленный, купеческий.

(2) См. слово—Ляля.

томъ на полѣ вся убранная въ созрѣвшіе колосья и съ зреющими плодами въ рукахъ. Потому ли, что Цеця нѣкоторымъ образомъ замѣняется у Бѣлорусцевъ Талаку, или почему-нибудь другому, только она не пользуется въ Бѣлоруссіи большою извѣстностью. Въ честь ея никакихъ особенныхъ церемоній и пѣсенъ нѣтъ. Она извѣстна въ нѣкоторыхъ только губерніяхъ Бѣлорусскихъ. Поговорки: *Бадай Цеця на барзілася* — какъ-будто Цеця расхрабрилась; *марахаѣшь на Цечю, а традицію на пспію* — говорять объ обманувшемся женихѣ: метиль на красавицу, а попалъ на безобразницу. *Пспія* значитъ — безобразная, тощая женщина или дѣвушка.

XXXVI. Щедрѣцъ.

Щедрѣцъ, богъ пиршествъ (*). Судя по церемоніямъ, сопровождающимъ въ Бѣлоруссіи день, назначаемый для празднованія Щедреца, можно предполагать, что эти церемоніи суть остатки древнихъ шумныхъ Генварскихъ календъ: и самый праздникъ въ честь Щедреца, называемый *Щедрецомъ*, совершается въ Бѣлоруссіи въ то самое время, когда праздновались и Генварскія календы. Щедрецъ начинаютъ праздновать въ Бѣлоруссіи наканунѣ первого Генваря и продолжаютъ до пятаго и дальше (хотя, впрочемъ, настоящій праздникъ Щедреца составляетъ главнымъ образомъ канунъ первого Генваря—Новаго-Года); а это и составляетъ,

(*) *Щедрѣцъ* собственно значитъ — ничего не жалѣющій для веселья, любишій хорошенько попаровать.

по древнему Римскому счислению, первыя календы мѣсяца Генваря.

Вотъ церемоніи праздника Щедреца. Вечеромъ (каждый день начиная съ кануна 1-го Генварь до 5-го и далѣе) собирается большой хороводъ парней (1), которые наряжаются въ разные костюмы и даже какъ-будто маскируются: костюмировка и маскировка ихъ состоятъ въ томъ, что одни наряжаются женщинами (2) съ безчисленными, разноцвѣтными, но безобразными повязками на головы, груди, рукахъ и ногахъ; другіе одѣваются животными разнаго рода, нѣримѣръ (особенно) верблюдомъ, козою, журавлемъ, гусемъ и т. п., подбирая для этого соответствующее верхнее платье и ходя на четверенькахъ. Между этими наряженными есть свои *вожаки*, *приппевалы*, *заппевалы*, *забиралы* (3) и *музыкальны* (игральники). Но главную роль между наряженными занимаетъ тотъ, кого наряжаютъ *Щедрецомъ*. Щедрецомъ избираютъ обыкновенно лѣтину высокаго, дороднаго; его одѣваютъ въ широкій плащъ (по большой части, яркаго цвѣта), увѣшанный разными колокольчиками, цвѣтнымъ тряпцемъ и длинными тесьмами всякаго рода; на голову надѣваютъ ему родъ короны изъ блестящей бумаги, на лице — родъ маски, уродливой, съ красными щеками и носомъ; изъ-подъ короны разсыпаются или, лучше, распу-

(1) Хороводъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ *щедрованцевъ*, *щедрующихъ* — *гасыцѣй*, т. е. участвующихъ въ церемоніяхъ праздника *Щедреца*.

(2) Наряжающіеся женщинами подбираютъ себѣ какія-нибудь странныя названія, напр.: *Мапора*, *Магера*, *Шушура* и т. п.

(3) Т. е. тѣ, которые забираютъ разные съѣстные припасы, дельги и пр. вообще все, чѣмъ гдѣ наградить за *щедрованье*.

скаются длинные волосы изъ конскаго хвоста; въ руки даютъ толстый жезль, украшенный различными цветными тесьмами. Нарядивъ такимъ образомъ Щедреца, сажаютъ его на особо устроенную для этого случая тележку, освѣщенную фонарями, и увѣшанную разнымъ цветнымъ тряпьемъ и бубенчиками. Телѣжкою этою управляетъ такъ-называемый *Щедренецъ* (1), наряженный великаномъ, одѣтый во все красное; ему помогаютъ везти тележку и прочие наряженные — *щедраванцы*. Этотъ пестрый хороводъ, при игрѣ музыкантовъ и пѣніи (2) припѣвалъ и за-пѣвалъ, расхаживаетъ по улицамъ и останавливается у каждого дома. Для соблюденія церемоніального порядка (3), вожатый отправляется къ хозяину дома спросить позволенія *пощедравацъ* (4) у него, а хороводъ между тѣмъ поетъ подъ окномъ.

Испросивъ позволеніе у хозяина *пощедравацъ*, вожатый ссаживаетъ съ тележки Щедреца, и, въ сопровождениі всего хоровода, входитъ въ комнату. Хозяева кланяются въ ноги Щедрецу и сажаютъ его на почетномъ мѣстѣ. Между тѣмъ, вожатый разставляетъ наряженныхъ у дверей комнаты, такъ что можно было разсмотретьъ всѣхъ ихъ по-одинакѣ. Потомъ начинаетъ гремѣть музыка.

(1) *Щедренецъ* — тотъ, который везетъ *Щедреца*.

(2) Пѣсни эти не имѣютъ никакой особенности; тутъ главную роль играетъ музыка.

(3) Хозяева всегда съ удовольствиемъ ожидають въ этотъ день *Щедреца* и заранѣе бываютъ приготовлены къ встречѣ *Щедравицевъ*; они выходятъ на встречу Щедрецу, такъ что вожатому и не нужно входить въ домъ для испрошеннія позволенія *пощедравацъ*.

(4) *Щедравацъ* — отпраздновать *Щедреца*.

На средину комнаты выходить вожатый, кланяется пану-Щедрецу, и поочередно выводить на сцену всѣхъ наряженныхъ. и каждого изъ нихъ заставляетъ выдѣлывать, предъ Щедрецомъ разныя кривлянья, плясать, кувыркаться, дразнить кого-ни-попало (кромъ Щедреца) и пр.. При каждомъ выходѣ на сцену вожатаго съ кѣмъ-нибудь изъ наряженыхъ, хороводъ прочихъ наряженныхъ поеть подъ музыку особыя пѣсни.

По окончаніи всѣхъ этихъ забавныхъ сценъ, вожатый кланяется Щедрецу, потомъ раскланивается на всѣ четыре стороны, и въ комнатѣ все умолкаетъ, впрочемъ, не надолго. Начинаются угощенія ; хозяева потчуютъ изъ своихъ рукъ Щедреца (*) и щедрава́нцевъ разными напитками (домашняго приготовленія) и кушаньями : и въ хороводѣ раздается весело-шумный говоръ, хохотъ и восклицанія. Замѣчательно, что если дѣло иногда доходитъ до драки, то *расправу чинитъ панъ-Щедрецъ*.

Въ заключеніе, хозяева дарятъ щедрующихъ-гостей блинами, колбасами (сырыми), саломъ, сыромъ и пр.; все это укладываютъ въ свои торбы забира-лы. Затѣмъ хороводъ выступаетъ въ новый путь : Щедреца проводятъ къ тележкѣ подъ-руки хозяева; за нимъ идетъ вожатый и пѣсенники, дальше забиралы и наконецъ прочие наряженные ; музыка и пѣсни въ это время особенно немилосердо терзаютъ уши какого-нибудь проѣзжающаго, незнакомаго съ этою мелодіею, но Бѣлорусцы (разумѣется простой народъ) отъ нея въ восхищениіи. Поговорки : *На Щедреца*

(*) Щедрецъ только отвѣдываетъ всякаго кушанья и напитка.

штобъ не паперхнүцьца (пьючи водку) — чтобы какъ-нибудь не поперхнуться во время (праздника) Щедреца. Што нащедравае, тое прагулів, ба щедравае — змаравае — что получилъ во время Щедреца, тое прокутилъ, потому что приобрѣтенное во время Щедрепа не бываетъ на долго — скоро пропадаетъ, выходитъ. Щедрецъ извѣстенъ во всей Бѣлоруссіи; только перемоніи самого празднованія въ однихъ мѣстахъ разнообразнѣе, а въ другихъ проще.

П. ДРЕВЛЯНСКІЙ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ

ПРИБАВЛЕНИЯ

къ

ЖУРНДЛУ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

на 1852 годъ.

№ III.

СОДЕРЖАНИЕ

Бѣлорусскія народныя поэты (Борда. Гарник. Жевыжъ. Змыдзенъ. Зничка. Кликунъ. Кѣцьникъ. Кляскунъ. Конша. Ладашчикъ. Ныдвень. Павѣтникъ. Падлечникъ. Разамара. Шатывала. Яркунъ). **І. ИШИПСКАГО.**

БЪЛОРУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ.

СТАТЬИ ТРЕТЬИ (1).

XXXVII. Бордзя.

Бордзя (2), покровительница брака, или, лучше сказать, бракосочетавшихся, — т. е. новобрачныхъ, именно мужа и жены, а не вступающихъ только въ бракъ, т. е. жениха и невѣсты, которымъ покровительствуетъ Любомель (3). Любомель какъ бы обязанъ устроить бракъ, и послужить жениху и невѣстѣ предъ бракомъ счастье, для чего въ Бѣлоруссіи и совершается обрядъ въ честь Любомела; но лишь-только женихъ и невѣста сдѣлаются мужемъ и женою, Любомель передаетъ новобрачныхъ въ распоряженіе Бордзѣ. По понятію Бѣлоруссцевъ, Бордзя усердно покровительствуетъ новобрачнымъ, и ни на минуту не перестаетъ витать надъ ними (т. е. какъ бы ухаживать за ними), тѣмъ болѣе, что она знаетъ враждѣбныя отношенія Яркуна (4) къ себѣ и ко всѣмъ замужнимъ и

(1) Дѣй первыя статьи того же Автора, подъ всеводниномъ *Древліскою*, напечатаны въ Прибавленіяхъ къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. См. *Отдѣленіе Литературное*.

(2) Бордзя собственно значить — проворная, скора; въ Верхне-Лужицкомъ нарѣчиѣ есть слово borsdza — прыгунья, легка, какъ мыльце (говорится о женщинѣ).

(3) См. *Любомель*. Прибавл. къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г., стр. 102.

(4) См. ниже Яркунъ.

женатымъ. У Бѣлоруссцевъ хранится какое-то темное языческое преданіе, будто Бордзя была когда-то дружна съ Яркуномъ, но въ послѣствіи онъ оставилъ Бордзю, и до того возненавидѣлъ ее, что сталъ постоянно преслѣдовать ее и не упускалъ ни одного случая вредить ей. Но какъ Бордзѣ собственно вредить Яркунъ не можетъ, потому что (по понятію Бѣлоруссцевъ) она пользуется благоволеніемъ громоверхца Перуна: то всю злобу свою Яркунъ изливаетъ на покровительствуемыхъ Бордзю людѣй — вступающихъ въ бракъ. Посему она ведетъ постоянную борьбу съ Яркуномъ, и, чтобы болѣе успѣвать въ ней, она выпросила у Перуна въ помошь себѣ двухъ духовъ: Гарника и Павѣтника (5), которыхъ разсыпаетъ въ разныя мѣста, для водворенія мира и дружбы между новобрачными. Бѣлоруссія богата довольно забавными преданіями касательно Бордзи. Такъ на-пр. хранится преданіе, будто Бордзя, въ ночь послѣ брачной пирушки неутомимо пляшетъ, поетъ и бѣгаєтъ въ-запуски отъ радости, что успѣла, нѣ зло Яркуну, соединить новыхъ два существа; чтѣ, на другой день браца, невидимо присутствуетъ за столомъ новобрачныхъ и угощаетъ ихъ; что въ ихъ кушанья, для укрѣпленія между ими дружбы, подливается какія-то капли и бросаетъ разныя краски (травы). За то новобрачные, обыкновенно въ теченіе первыхъ дней послѣ брака, ставятъ для Бордзи на столъ на первомъ мѣстѣ приборъ, наполненный яствами, послѣ того ставятъ его на куту (въ углу на почетномъ мѣстѣ), на ночь. Конечно, кушанья эти или съѣсть кошка, или вымыть воинъ какая-нибудь суевѣрная старая женщина, а Бѣлоруссы

(5) См. также Гарникъ и Павѣтникъ.

крѣпко-нѣ-крѣпко вѣрятъ, что это кушанье съѣла Бордзя, и тѣмъ показала свое благоволеніе (пабрацимасьць) къ новобрачнымъ. Бѣлоруссы представляютъ Бордзю необыкновенно миловидною женщиной, хотя и не совсѣмъ молодою, всегда улыбающеюся, съ длинными свѣтлыми волосами, обнаженными руками и ногами по колѣна (6); въ одной рукѣ она держитъ какую-то вѣточку (кажется чародѣйную трость), а въ другой—травы (краски). Поговорки: *Разбрѣзилася, якъ за Бордзяю*, т. е. живеть счастливо, богато, какъ будто ей покровительствуетъ Бордзя (говорится о женщинахъ, дурно живущихъ, или даже не живущихъ съ мужьями); *кабѣ жъ цабѣ Бордзя смыкала*, — чтобы тебя Бордзя оставила, лишила покровительства своего; *э!... ба не адѣ Бордзи*. Э!... потому, что не по любви (бракъ состоялся)... Вотъ еще припѣвъ о Бордзѣ, который поютъ жены Бѣлоруссцевъ, во время ссоръ, или разлада съ мужьями:

Аэй-аэй-же Бордзичка!
Да гдѣжъ ты гдѣ ципречка,
Куды жъ ты задѣвѣалася,
Чы жъ я жъ цабѣ смыкалася?
Вяннисажѣтка ты Бордзичка!
Недай ты Яркуну мянѣ,
Звядзи жъ изноѣ красуличка
Ты васъ, и свѣтъ же не аманѣ...

Што ты Бордзя
Што ты хворя
И не сестра
И не збратія
Таму...
Ать-Яркуну!..

(6) Такое изображеніе Бордзы встрѣчается въ рукописяхъ Бѣлорусскихъ старожиловъ.

Переводъ:

Увы, увы Бордячка!
 Гдѣ же ты теперь,
 Куда ты дѣвалась?
 Разгѣ я сдѣлалась недостойною твоей милости?
 Воротись же Бордячка!
 Не отдай меня на произволъ Яркуну,
 Помири, миленькая, насть опять,
 И люди больше не обманутъ насть!
 Что ты Бордзя,
 Что ты, хвастуниья!
 Нѣтъ, ты не сестра
 И не защитница
 Того —
 Яркуна...

Бордзя известна во всей Бѣлоруссіи, только подъ разными именами; подъ именемъ Бордзи известна въ Минской Губерніи и частію Могилевской, Оршинскомъ и Бабиновицкомъ уѣздахъ (7).

XXXVIII. Гарникъ.

Гарникъ — старшій духъ-помощникъ покровительницы новобрачныхъ Бордзи. Самое слово *Гарникъ* — отъ *гарны*, хороший, красивый — показываетъ, что Гарникъ, по понятію Бѣлоруссовъ, добрый, благодѣтельный духъ. И дѣйствительно, Бѣлоруссы думаютъ, что Гарникъ усердно служить Бордзѣ въ охраненіи и защищеніи ново-

(7) О Бордзѣ, какъ божествѣ Славяно-Русскому, упоминаетъ одинъ Польскій изыскатель древностей Славянскихъ. См. *Slawianie wばかりach roszczykowych z historiей powszechnyey*, стр. 337.

брачныхъ отъ ссоры, браней и въ исполненіи имъ разныхъ житейскихъ потребностей. Гарникъ, по мнѣнію Бѣлорусцевъ, неотлучно бываетъ при Бордѣ, какъ самый надежный и преданный ея слуга. Слово Гарникъ, нерѣдко въ разговорѣ Бѣлоруссцевъ, принимаетъ значеніе нарицательного имени. Гарникъ известенъ почти во всей Бѣлоруссии. Поговорки: *Бадай Гарникъ — какъ-будто красавецъ Гарникъ* (говорится о хорошенькихъ дѣтяхъ); *не тъ Гарника, не эо Бордэи пашли у нихъ дѣльци — не хороши, не красивы у нихъ дѣти*; *Гарникъ прыгарнулся, и мужикъ под крѣды апранулся — пріютился Гарникъ, и мужикъ не боится ссоры.*

XXXIX. Жѣвжыкъ.

Жѣвжыкъ (8) — покровитель рѣкъ, или водяное божество (но не духъ, какъ на-пр. *Водасыкъ* или *Лазасыкъ* — см. эти слова). Жевжыкъ собственно значить проворный, ловкий. Бѣлорусцы представляютъ его старишкомъ тощимъ, небольшаго роста, съ рыжею бородою, длинною шею, маленькою головкою, съ длинными, но маленькими ручками, — а длинными пальцами, и тонкими ногами (9), но при всѣмъ томъ необыкновенно сильнымъ, живымъ и проворнымъ до чрезвычайности. Такое понятіе о Жевжыкѣ Бѣлорусцы составили себѣ, вѣроятно, потому, что они вѣрятъ, будто онъ живеть всегда въ водѣ, на самой глу-

(8) Что-то похожее на Жевжыка есть у Литовцевъ, особенно въ Гродненской Губерніи, — даже называетсяозвучно— Жу́жа...

(9) Точь-вѣ-точъ такое изображеніе случилось мною видѣть на рисункѣ въ домашней библиотекѣ одного Бѣлорусского пожѣнника (въ Витебской Губерніи); при рисункѣ есть текстъ какого-то *Залуки*....

бигъ — въ сиръ (10), и необыкновенно ловко плаваетъ подъ водою и на поверхности, разгоняя впереди себя волны огромнѣйшимъ жутломъ (11). Подъ водою плаваетъ онъ днемъ, наблюдая за течениемъ ея; а ночью — на поверхности воды; но его никто не можетъ видѣть: потому что онъ плаваетъ въ членокъ невидимкѣ (човыѣ-неба-бачцѣ), и къ тому же закрываетъ жутломъ отъ глазъ людскихъ. При видѣ какой-нибудь опасности, предстоящей человѣку, на-пр. если увидить утопающаго человѣка или тонущее судно, онъ однимъ взмахомъ своего жутла спасаетъ ихъ; онъ же укрощаетъ бури и вѣтры. Такое понятіе Бѣлоруссцевъ о Жевжыкѣ и приписываемыя ему свойства, должны были бы, кажется, создать въ фантазіи Бѣлоруссцевъ и божество чудовищное, огромное, а между тѣмъ Жевжыкъ является тощимъ старикомъ, праща ловкимъ и проворнымъ, но все-же нимало не похожимъ ни на Нептуна, ни на Лартона у Оракійцевъ и Гетомъ. Такую странность фантазіи можно оправдать развѣ тѣмъ, что, по понятію Бѣлоруссцевъ, всѣ длинношерстые и рыжебородые необыкновенно сильны. Притомъ же Бѣлоруссы говорятъ, что божеству водному всего лучше быть небольшаго роста, тощимъ, чтобы ловче и легче управляться подъ водою. Жевжыку подчинены всѣ водяные духи, въ томъ числѣ Водавикъ и Лазавикъ. Жевжыка знаютъ почти всѣ Бѣлоруссы. Поговорки: *Яи Жевжыкъ — какой проворный, ловкий! Бы Жевжыль кыре — словно Жевжыкъ плаваетъ; Жевжыль-ты-рудалъ*

(10) Сиръ — собственно глубина, яма, темное мѣсто, подземелье, подводная пропасть.

(11) Жутло — длинный шестъ съ двумя желѣзными зубцами на концахъ.

барада... ахъ Жевжыкъ — рыжая борода... Жевжыкъ — иногда значить карликъ, или даже просто — мальчишка.

XL. Злыдзень.

Злыдзень — какой-то враждебный духъ. Слово злыдзень собственно означаетъ — негодные, дрянные остатки, недобѣди, въ переносномъ смыслѣ — нечто ядовитое, вредное. Отсюда, кажется, родилось понятіе Бѣлоруссцевъ объ этомъ духѣ. Они считаютъ его какимъ-то отвергнутымъ духомъ; сначала, Злыдзень былъ въ ласцѣ (въ милости) у Перуна; но послѣ, за непокорность, громовержецъ удалилъ его отъ себя, и съ тѣхъ порь Злыдзень, какъ отверженный, сталъ дѣлать зло людямъ, особенно малымъ дѣтьмъ. Думаютъ въ Бѣлоруссіи, что всѣ ушибы, уродства и вообще несчастія, приключающіяся съ дѣтьми, происходятъ по злобѣ Злыдзеня. Бѣлорусцы представляютъ его въ видѣ большой змѣи съ огромною пастью и однимъ огненнымъ крыломъ во всю спину, но съ ногами и однимъ глазомъ на крылѣ. Видно, что это — извращенное и затемненное временемъ понятіе объ отпадшемъ духѣ Свѣтоносцѣ (lucifer). Злыдзень извѣстенъ во всей Бѣлоруссіи (12). Поговорки: Злыдзень ты іштаки — экой ты враждебный духъ — нечистая сила.

XLI. Зничка.

Зничка — охранительница кладбищъ. Зничка, по мнѣнію Бѣлорусцевъ, всегда живетъ на кладбищахъ и

(12) Въ вѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ духъ известенъ подъ именемъ: Гукалы, Крыладзены и т. п.

имѣть подъ своимъ вѣдѣniемъ всѣхъ могильныхъ духовъ, привидѣнія и разныя страшилища; въ полночь она обыкновенно блуждаетъ по могиламъ и оплакиваетъ тѣла умершихъ, предавшіяся разрушенню; Бѣлоруссы вѣрятъ, что на кладбищахъ слышны стоны и рыданія ея. Еще болѣе плачетъ она надъ могилами недавно погребенныхъ. Зникча невидима, неуловима, какъ духъ (13), хотя иногда и является людямъ ночью. Ее представляютъ въ видѣ женщины очень малаго роста, тощей, желтобѣдной, костлявой, съ распущенными волосами, босой, въ свѣтящемся, прозрачномъ бѣломъ саванѣ, испещренномъ яркими звѣздочками; въ правой рукѣ у нея длинный свѣтящийся прутикъ. Есть повѣрье, будто этимъ прутикомъ она очерчиваетъ себя, при встрѣчѣ съ Коншею (14), которая ненавидитъ ее и всегда враждуетъ противъ нея, за сожалѣніе къ умирающимъ людямъ. Преданіе о Зникчѣ, кажется, сохранилось въ Бѣлоруссіи по наслѣдству отъ другихъ Славянъ, — хотя оно, можетъ быть, нѣсколько передѣлано на свой национальный ладъ. Еще у Кельтовъ была какая-то богиня Знѣчча (*Snetѣca*), т. е. блуждающая, какъ тѣнь (15); у Кроатовъ — Зничокъ (*Znugăz*), могильное привидѣніе (16); у Вендовъ — Знячта (*Sniacѣta*) — блуждающій по кладбищамъ духъ (17). Поговорки: *Раскинулася якъ Зникча*, — рас-

(13) Что объясняетъ и самое значеніе слова Зникча — невидимка, неуловимая, тѣнь.

(14) См. ниже слово Конша.

(15) *Bibliotheca Slavica, studio et opera, F. Durich, Vindobonae, 1793*, — 8, 1.

(16) *Syllabus vocabulorum Latino-Croaticorum in usum exterorum delectus*, 8, 1.

(17) *Iosakima Stulli rječeslođcie, u Dubrovniku*, 1806, 9, 2.

плакалась какъ Зникчя; на Зникчу каткулася, гаркухай зрабилася — вѣрно встрѣтилась съ Зникчею, чтѣ такъ разгоревалась; Зникча — тиха сенъки нима! — это призракъ, тѣнь, — ничего нѣтъ; якая Зникча — что за неуловимая, т. е. проворная!... Зникча извѣстна въ Могилевской Губерніи и отчасти въ Минской, именно — Борисовскомъ и Игуменскомъ уѣздахъ.

XIII. Кликунъ...

Клик ит (18) — дорожный духъ, впрочемъ, не злой, хотя по виду грозный. Бѣлоруссы представляютъ его тощимъ великаномъ, въ оборванномъ балахонѣ, съ длиннѣйшими руками и такими же волосами на головѣ; въ одной рукѣ у него огромнѣйший кнутъ изъ конскаго волоса, а въ другой — золотой рогъ. Съ этимъ-то рогомъ, говорятъ, и кнутомъ, Кликунъ разѣзжаетъ по дорогамъ днемъ и ночью на подвластномъ ему духѣ, въ видѣ большой змѣи: днемъ, во время жаровъ, а ночью, — при свѣтѣ луны, и странно, дико виждитъ. Кликунъ, какъ и всякий духъ, невидимъ, но его можно узнать днемъ потому, что когда онъ проѣзжаетъ, то пыль вѣтромъ и кружится очень высоко: человѣкъ долженъ осторожаться, чтобы не перебѣхать чрезъ этотъ вихрь — иначе разгнѣвить Кликуна; попробуй кто проѣхать, Кликунъ махнетъ своимъ кнутомъ, блеснетъ рогомъ, свиснетъ

(18) *Кликунъ* значитъ, крикунъ, громко, пронзительно кричашій, визжущій, свищущій; иногда означаетъ клеветникъ; по Литовски (*klikli*) и во Кроатии (*kliotuti*) имѣть то же значеніе (см. Корнесловъ Русс. языка Шинкевича — слова *кликать*). Не то же ли это, что *кликуша* во внутреннихъ Губерніяхъ Россіи?

страшно (гáркнеть выráзно) и какое-нибудь несчастие разразится надъ человéкомъ. Ночью о проездѣ Кликуна можно узнать по запаху сéры, которую издаетъ везущий его духъ. Бéлорусскій Кликунъ имѣть большое сходство съ Русалкою Сербскою, которая также у Сербовъ называется Кликун' (19). Шимкевичъ приводить въ семъ «Корнесловъ» глаголы Сербскіе *кликути*, *кличи*, и говоритъ, что они значать — звать, какъ Русалка (20). Кликунъ извѣстенъ всѣмъ Бéлоруссамъ; рѣдкое дитя даже не знаетъ о немъ (разумѣется, между простолюдинами). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Минск. Губерн.) называютъ его — *Кликусь*. Поговорки: *Какъ цябе Кликуж спаткаевъ!* — чтобы тебѣ Кликунъ на встрѣчу попался! *Кликунъ цябе возьми* — чтобы тебя взялъ Кликунъ; *Кликунъ ты сбrehаёшъ!* — Клеветникъ ты! налгаль; якъ той *Кликунъ, растрепаны, невчесаны, абарваны, ж пугай, и дыядыруе сабъ палльсу, па бору, да па великаму шляху — Кликунъ!*.. Настоящій кликунъ — растрепанный, непричесанный, оборванный, съ кнутомъ, и бродить себѣ по лѣсу, по дубравамъ да по столбовой дорогѣ — Кликунъ право такой!.. (брань очень оскорбительная у Бéлорусцевъ). *Трасца табъ Кликуну — брехуму* — лихорадка тебя возьми; *Кликунъ ты — лгунъ.* Иногда суевѣрный Бéлорусецъ, а въ особенности Бéлорусянка, отправляясь въ дорогу, обращаются къ Кликуну съ слѣдующею просьбою:

(19) См. Српски рјечник, истолкован Немачкими Латинскими ријечима. Скупio га и на свијем издао Вук' Стефановић. У Бечу, 1818. у 8.

(20) Корнесловъ Русскаго языка, Ф. Шимкевича, слово *кликать*. То же значение имѣть слово *кликать* въ пѣсни Игорю Святославичу (Слово о Полку Игоревѣ). См. издание Михаила Максимовича, Гл. III, 3 (стр. 10): Дивъ кликать верху древа — Дивъ (т. е. водяной духъ или богъ) кричать на деревѣ (Кievъ, 1837 года).

Переводъ:

Выправа́дь Клику́сь
Ты мене́ зъ даро́ги
Ціомнай, гда́ль нибудь
Грёбни, бервенчу́ги..

Выведи Кликунчикъ
Ты меня съ дороги
Темной, куда-нибудь
Только бы не на испорченную
плотину.

Мой Клику́сь
За мене иебоже —
Мой Клику́сь
Мáрны золотабоже!..

Помоги мнѣ,
Мой Кликунчикъ!
Невидимка, золотобогъ!
Мой Кликунчикъ!

XLIII. Кльцникъ.

Кльцникъ — охранитель кладовыхъ. По понятію Бѣлоруссцевъ, каждый хозяинъ имѣть своего Кльцника, точно такъ же, какъ и всякий хозяинъ имѣть Цмока-Домовика (21). Впрочемъ, различие между Кльцникомъ и Цмокомъ то, что послѣдній доставляетъ деньги своему семьянину, дѣлаетъ нивы его плодоносными, а коровъ дойными (т. е. дающими много молока), вообще смотритъ за всѣмъ его хозяйствомъ; между тѣмъ какъ Кльцникъ смотритъ только собственно за кладовыми и заботится о ихъ цѣлости. Конечно, и въ кладовой можетъ находиться все то, за чѣмъ смотритъ Цмокъ-Домовикъ, но все-же Кльцникъ заботится только о собранномъ уже и сложенномъ въ кладовыхъ. Впрочемъ, какъ видно изъ значенія самого слова *кльц* — изъ которого образовалось и Кльцникъ — въ кладовыхъ не лежитъ все то, за чѣмъ смотритъ Цмокъ-Домовикъ. Въ кладовыхъ — кльтахъ (кльцъ — кладовая въ одномъ зданіи съ жилыми ком-

(21) См. слово Цмокъ.

натами) только кладутъ платье, бѣлье, холстъ, нитки, шерсть, волокна разныя, иногда же нѣкоторыя огородные овощи, разныя сѣмена (и то иногда), также въ укубахъ (22) деньги (23), но отнюдь не полевые сборы, на-пр. рожь, пшеницу или картофель, или же сало, говядину и проч.; для этого есть такъ-называемый сѣренъ — амбаръ. Какъ бы то ни было — Клѣцникъ смотрить только за кильцами, за кладовыми, т. е. за тѣмъ, что уже собрано въ кладовыхъ. Другое различіе между Клѣцникомъ и Цмокомъ-Домовикомъ то, что Цмокъ-Домовикъ, какъ будто изъ корысти смотрить за добромъ своего семьянинъ: всякий хозяинъ долженъ своему Цмоку-Домовику ежедневно приготавлять по яичницѣ. Между-тѣмъ Клѣцникъ безъ всякаго вознагражденія со

(22) Уклу́бъ значитъ какъ бы комодъ, или круглый шкафъ.

(23) Замѣчательно еще, что кѣтти у Бѣлоруссцевъ по преимуществу служатъ для сохраненія находящихся тамъ въ укубахъ денегъ, разумѣется денежнѣ лапшихъ, остающихся отъ бережливаго распоряженія ими. Были примѣры, что, по пресвѣченіи цѣлаго поклонія семьи, вступившая во владѣніе этою кѣттю семья находила въ ней подъ половы запонанныя въ чугунномъ горшкѣ деньги. Этотъ обычай въ Бѣлоруссіи хранить деньги въ кѣткахъ ведетъ начало свое отъ глубокой древности. Еще у Литовъ и Семигалловъ (нынѣшихъ Литовцевъ) было обыкновеніе сберегать на черный день или ночь (dargana naktis — т. е. на бурную ночь) деньги въ кѣттахъ (kletis). Даже самое слово кѣтть — kletis — рѣшительно такое же имѣТЬ значеніе, какъ и у Бѣлоруссцевъ, даже больше, сколько намъ нужно для подтвержденія этого тождества: именно значить — казнохранилище. Такое же значение и назначеніе имѣли въ древности и у насъ на Руси также называемыя кѣтти. Слово кѣтть, какъ видно изъ Корнеслава Шимковича, въ старину значило казнохранилище (между прочимъ). Въ этой кѣтти хранились деньги: «Дополюкъ» — сказано въ старинной Лѣтописи — «взметь 20 гривень Князя изъ кѣтти». (См. Корнеславъ Ф. Шимковича, стр. 101, слово кѣтть).

стороны своего клиента усердно заботится о благосостоянии его кладовой. Цмока-Домовика могут разгневить, не приготовивши ему личинцы и чрезъ то лишиться его помощи; но Клѣцьника нитьмъ не удашь отъ себѣ: онъ изъ одной любви къ покровительствуемому имъ бережеть его кладовую; требуетъ только, чтобъ хозяинъ ревностно заботился объ уборкѣ своихъ пособьевъ: не его вина, если у хозяина не много накоплено въ кладовой. Клѣцьникъ не имѣть права добавлять, увеличивать количество имущества въ кладовыхъ; это значило бы войти въ предѣлы власти Цмока-Домовика. При томъ же нужно замѣтить и то, что Цмокъ-Домовикъ, по понятію Бѣлоруссевъ, духъ, и притомъ едва ли добрый духъ: потому что представляется въ видѣ змѣя (24), а Клѣцьникъ — покровитель, хранитель кладовыхъ, значить добрый духъ. Бѣлоруссы очень дорожатъ покровительствомъ Клѣцьника, какъ доброго и сострадательного духа, тѣмъ болѣе, что онъ, въ случаѣ нужды, или когда предвидитъ неурожай, является во снѣ хозяевамъ, и даетъ имъ советы, или же предостерегаетъ не роскошничать, не избыточествовать. Въ то время, когда является во снѣ для совета, или для предостереженія, Клѣцьникъ бываетъ мраченъ, голова у него не покрыта, обнажена. Иначе же, въ обыкновенное время, Бѣлоруссы представляютъ Клѣцьника веселымъ, улыбающимся старичкомъ, съ длинными золотистыми волосами на головѣ, съ такими же усами, и съ щѣдою, необыкновенной величины, бородою; на голо-

(24) Далѣе мы замѣтили, что въ видѣ змѣи и вообще въ видѣ животныхъ Бѣлоруссы представляютъ только нечистыхъ духовъ, но отнюдь не совершенно-добрыхъ. (См. слово Мѣша).

въ у него мужской завой (25) золотистаго цвѣта; руки — т. е. самая кисть руки Клѣцьника — косматыя (волоса тоже золотистые). Походка у него веселая, скорая и смѣлая. Днемъ онъ никогда не является. Такое понятіе Бѣлоруссцевъ о Клѣцьнике имѣеть большое сходство съ понятіемъ Литовцевъ о божествѣ Клетивисъ (*Klētivys* — отъ *klētis* — клѣть, казнохранилище), кажется — кладъ, или вообще домашняго имущества, какъ видно изъ наименования Штендера (26). Нѣчто похожее на Клѣцьника есть и у Богемцевъ — именно Клѣдстенъ (*Klädstenn* — отъ *kladstü, klästi* — находить кладъ, или класть деньги въ землю) (27) и, кажется, значить божество кладовъ, или денегъ (28). Не говоримъ уже, что подобное слово — Клѣтникъ въ такомъ же значеніи встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, впрочемъ ближайшихъ къ Бѣлоруссіи.. (Не знаемъ, которому изъ этихъ двухъ краевъ болѣе туземно слово Клѣцьникъ, или Клѣтникъ?) Клѣцьникъ по преимуществу изъѣстенъ въ Могилевской и Минской Губерніяхъ; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Минской Губерніи, именно въ Борисовскомъ и Игуменскомъ, гдѣ, такъ любя букву я, говорять Клѣцянинъ — (впрочемъ то же, что и Клѣцьникъ). Поговорки: *На клятвѣ паспадъедеся, спагаранку разгульеся* — повадѣлся на Клѣцьника, да и началь заранѣе гулять; *Клькуса*,

(25) Завой мужской отличается отъ женскаго (см. *Дѣвіон*) тѣмъ, что онъ повязывается изъ какой-нибудь цветной матеріи, или холста и притомъ на-глухо, безъ концовъ, какъ бываетъ у женщинъ.

(26) *Lettisches Lexicon*, von G. F. Stender. Mittau, 1789, 8, 2. См. слово *Klētis*.

(27) См. Корнесловъ О. Шимкевичъ, слово *кладъ*.

(28) *Lexicon Slavicum Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum*, auctore Antonio Bernolak. Budae, 1825, 8, 6. См. тамъ слово *klädsti*.

Клычусы! а въ кильцы злыкнусь — надѣйся на Клѣцника, а въ кладовой пусто, т. е. само не придетъ въ кладовую, если не положишь туда своими трудами; баржджѣй да Клычника, каки трошай жижашика — все равно, что Русская пословица — коли тревога, тогда до Бога... Когда нѣть денегъ, тогда къ Клѣцнику обращаешься съ просьбой.

XLIV. Кляскунъ.

Кляскунъ — божество луны и вмѣстѣ, кажется, лѣтнихъ забавъ и удовольствій. Кляскунъ, отъ глагола *кляскаць*, бить въ ладоши, подпрыгивая, подскакивая, щелкать языкомъ отъ радости — значитъ, хлопающій въ ладоши отъ радости, или всегда подпрыгивающій, оттуда веселый, любящій забавы, удовольствія, веселье (29). Уже самое значение слова Кляскунъ показываетъ, что это за божество; видно, что это что-то похожее на Бахуса. И дѣйствительно, Бѣлоруссы представляютъ Кляскуна молодымъ, красивымъ, необыкновенной величины, статнымъ, съ длинными свѣтлыми волосами, веселымъ, разгульнымъ, и неизвѣстно почему съ мѣсяцемъ во лбу. Бѣлоруссы объясняютъ это по своему. Они говорятъ, что Кляскунъ прежде жилъ на небѣ, и подъ его кѣдѣнiemъ былъ мѣсяцъ, или луна; будто онъ распоряжался тамъ какъ у себя дома, поворачивалъ луну, показывалъ ее людямъ, когда слѣдовало, пряталъ ее, освѣщалъ и разѣзжалъ въ ней по

(29) У Сербоев есть похожее слово — *кљускати*, бить ключомъ, подскакивать, прыгать. У Боснѣцев — *kgijegiškati*, бурлить, пѣниться, кипѣть, оттуда шумѣть, бузитъ. У Поляковъ *klaskac* значить бить въ ладоши, хлопать, рукоплескать отъ радости.

небу, но всегда долженъ быть находиться при ней неотлучно, и смотрѣть своими ясными очами прямо въ нее (30); въ случаѣ же отлучки его, по волѣ Перуна, луна потемнилась: потому что при ней не было свѣтлаго ляца Кляскуна (31). Однажды Кляскунь отлучился безъ позволенія Перуна, и долго не возвращался: онъ былъ гдѣ-то на пиру у другихъ божествъ. Перунъ разгневался и столкнулъ его съ неба на землю; но на память, что онъ былъ водителемъ или хранителемъ луны, Перунъ отпечаталъ на лбу его изображеніе луны (и сачка), на мѣсто же его приставилъ другаго. За то и презабывная церемонія совершается въ Бѣлоруссіи въ честь Кляскуна. Вотъ она. Лѣтомъ, во премиумѣству въ мѣсяцѣ Май, рѣдко широчемъ въ Іюнѣ или позже, въ ясный день по закатѣ солнца, именно когда войдетъ луна, хороводъ лѣтаетъ и паритъ, выбирая стройнаго лѣтину, убравъ его разными цветами, наклеивъ на лобъ изъ цветочныхъ листьевъ что-то въ родѣ луны, приводить его въ лѣсь, на поляну. Съ хороводомъ впереди Кляскуна, лѣвочка лѣтъ 9-ти, съ вѣнкомъ изъ зелени на головѣ, несетъ круглый цирогъ, испеченный лѣвушками, и убранный разными травами и цветами, а парни, девади, несутъ разные лепешки, блинчи, сыръ, медъ, пиво, варенуху, хлѣбъ и молоко, все это на посыпакъ, убранныхъ зеленою. Во время всего этого хода, хороводъ поетъ разныя лѣсныя, широчемъ болѣе безъ всякаго значенія въ отношеніи къ церемоніи.

(30) Бѣлорусцы вѣрятъ, что въ лунѣ, когда бываетъ совершенно сѣфтар въ чистое небо, стоитъ водитель или хранитель ея и пріято смотрѣть на землю; отъ того-то говорятъ, на лунѣ видно чистое лицо человѣческое.

(31) Клико обѣщаніе запѣвѣи луны!....

Вотъ только одна, относившаяся къ самому Кляскуну и обряду въ честь его.

Сначала поетъ запѣвало, потомъ послѣднія слова повторяетъ весь хороводъ, хлоющая къ ладони.

Запѣвало (три дѣвушки въ три голоса):

Ясны мѣсячныкъ изѣйшевъ!
Красны Небячыкъ всказався,
Знать вже, јобъ туды пришовъ
Засѣцізъ и замѣскався
Хороводъ { Классъ, классъ! Клясунъ
2 раза. { Классъ, классъ! Клясунъ!...

Запѣвало: Заласкай же, Ласкунбѣ!
Засѣціжъ-же-жъ мѣсячыкомъ.
Дай намъ радасьцъ, аганьчѣкъ
Для гульни за тое зробібъкъ.
Хороводъ { Классъ, классъ! Клясунъ!
2 раза. { Классъ, классъ! Клясунъ!

Запѣвало: Срамянѣтка, спаматѣ!
Якъ тамъ зъ мѣсячкомъ, и зъ Перуномъ
Бадзинъ ты усаїки дни
На всамужжъ небу тамъ кругомъ!
Хороводъ { Классъ, классъ, Клясунъ!
2 раза. { Классъ, классъ, Клясунъ!...

Запѣвало еще веселѣ...

Отъ и въ насть жежъ ты цімеръ,
Ты вже нашъ, Ласкунъ ты, нашъ, нашъ!..
Мы пасаїдимъ на плецѣнъ
Кляскуна, ба ты нашъ, ба ты нашъ!..
Хороводъ { Классъ, классъ, Клясунъ!
2 раза. { Классъ, классъ, Клясунъ!...

Переводъ

Ясный мѣсяцъ взошелъ,
Небо побагровѣло,
Вѣрио, онъ уже туда пришелъ,
Заспѣлъ, разыгрался.

Клясь, клясь, Кляскунъ!
Клясь, клясь, Кляскунъ!

Занграй же, Кляскуночъ!
Будь ясенъ какъ мѣсяцъ,
Пошли намъ радость, а мы за то
Разведемъ огнь на потѣху.

Клясь, клясь...

• • • • •

Вспомни, вспомни,
Какъ ты тамъ всякой девь
Развѣжаль по всему небу кругомъ
Мѣсть съ луной и Перуномъ!

Клясь, клясь...

• • • • •

Теперь ты явился намъ,
И уже нашъ ты Кляскунъ:
Мы посадимъ тебя Кляскуна на носилки,
Потому-что ты нашъ!..

Клясь, клясь...

Пришедши въ лѣсъ, на поляну, хороводъ и въ сре-
динѣ его Кляскунъ собираются толпою и назначаютъ, кто
долженъ взять хлѣбъ, кто молоко, кто сыръ, кто блины
и т. д. Затѣмъ, всѣ разбѣгаются, какъ бы въ разсыпаную;
остается на своемъ мѣстѣ только Кляскунъ, и при немъ
носилки. Онъ садится на носилки и начинаетъ плести вѣ-

иокъ изъ прежде приготовленныхъ уже для того цвѣтвъ. Между тѣмъ, каждая девушка и каждый парень, бывшіе въ хороводѣ, приносятъ поодинакѣ по маленькой вязанкѣ сухихъ прутьевъ, листьевъ, вересу и т. п. и кладутъ у ногъ Кляскуна. Наносимши довольно большой костеръ, хороводъ садится вокругъ Кляскуна цвѣть на землю, и въ ожиданіи, пока Кляслунъ совѣтъ церемоніальный вѣнокъ, поетъ слѣдующія слова:

Отъ уже и вѣтки есть,
Склали бурнъ навалики,
Ай чы скора жи юнь савѣць
Гэты свой вѣнокъ матыхи (31)...

Отъ и скора, скора у-стокъ
Мы разнѣшимъ аганьчокъ...
2-ва { Клясь-клясь-Клясунъ !
раза { Клясь-клясь-Клясунокъ.
Протяжно: Клясь !
Клясь !

Переводъ:

Вотъ ужъ и вѣтки есть,
Навалили огромный костеръ,—
Скоро ль онъ совѣтъ
Свой вѣнокъ изъ матыхи.

Вотъ ужъ скоро— кстати
Мы разведемъ огонекъ...
Клясь, клясь, Клясунъ?..
Клясь, клясь, Клясунокъ?
Клясь!..
Клясь...

(31) Матыхи— т. е. изъ матыхи— такая трава.

Синими вѣнокъ, Кляскунь встаетъ съ носилокъ, а за него подымается и хороводъ. Кляскунь подходитъ къ постру, добываетъ огни, и, замкнувъ одинъ артикъ, передаетъ его той дѣвушкѣ, которая пекла пирогъ; дѣвушка заменяетъ костеръ. Между тѣмъ Кляскунь садится на носилки, держа въ рукахъ вѣнокъ, а четыре парни берутъ носилки, поднимаютъ надъ зажженнымъ костромъ, и въ такомъ положеніи колеблютъ носилки на воздухѣ, пока костеръ не разгорится: тогда Кляскунь бросаетъ вѣнокъ въ огонь, припѣвая — клясь-клясь и хлопая въ ладоши и этимъ даетъ знать, чтобы прекратили колебаніе носилокъ; парни ставятъ носилки не много по-одаль отъ огня и становятся съ четырехъ сторонъ у носилокъ; у ногъ же Кляскуна садится дѣвочка съ пирогомъ. Пока парни колеблютъ носилки надъ огнемъ, хороводъ цѣпью окружаетъ костеръ, припѣвая (сначала обыкновеннымъ голосомъ, потомъ, по мѣрѣ увеличенія пламени на костре, громче и громче):

Мѣсячку, мѣсячку блѣмъ!
Кругленьки ты яснѣньки!
Мѣсячыкъ же ты паспѣлы (32)!
Засѣцижъ на крашѣнки (33)!

Разнѣцижъ ты геты аганьчокъ
(Не таки јонъ, ажъ тамъ есть твой)
Кляскуну на прышамначакъ
Лягъ јонъ маѣ тамъ аганьчокъ свой...

Дай же радасицъ дай же Кляскунъ!
Зъ имъ и намъ же разамъ лепѣй будзе,

(33) *Паспѣлы*: т. е. созрѣвшій, налившійся, полный.

(34) *Крашѣнка* — прутъ съ зеленою, или стебелькою съ извѣсти.

Дай же яснашь, краска (34), ты зму, —
На забаву, и на скоки въ груди.

Ой ты, мѣсачку, мѣсичку !
Ой ты, ясненъка мѣсичку !
Ой ты бѣленъки !
Нашъ паспѣленъки !...

Клясь, клясь — Кляскунь.
Ой клясь, ба клясь
Нашъ, нашъ Кляскунь !
Ой клясь, ба клясь !
Клясь — клясь !
Клясь !... (хлопаютъ въ задори).

Переводъ:

Бѣлый мѣсачъ, бѣлый
Кругленький ты, ясный !
Мѣсачъ ты полный,
Засѣти костеръ...

Разведи ты этотъ огонекъ,
(Не такой, какъ тамъ у теби)
Чтобъ напоминъ Кляскуну,
Какой былъ тамъ у него огонекъ.

Обрадуй же, обрадуй Кляскуна,
Съ нимъ и намъ лучше будетъ,
Освѣти его, миленький, своимъ сѣткомъ,
На радость и потѣху ему и хороводу.

Охъ, ты мѣсачъ, мѣсачъ !
Охъ ты ясный мѣсачъ !

(35) Краска, собственно значить цѣтокъ, въ переносномъ смыслѣ — красавица.

Ой ты бѣленький
Весь наливайся!..

Клясь, клясь, Кляскунь!
Ой, клясь,— клясь...
Кляскунь нашъ!
Ой клясь, клясь!
Клясь, клясь!
Клясь!..

За тѣмъ весь хороводъ полукружіемъ садится на другой сторонѣ разгорѣвшагося костра, противъ Кляскуна. Тогда дѣвушка подноситъ Кляскуну пирогъ; Кляскунь разламываетъ его пополамъ и вынимаетъ изъ средины его рюмку (ступачку — собственно маленький деревянный кубокъ), наполненную какими-то травами. Эти травы и частичку пирога Кляскунь бросаетъ въ огонь — припѣва: *клясь, клясь!* и хлопая въ ладоши, хоръ вторитъ: *клясь!*.. а рюмку и пирогъ откладываетъ въ сторону на носилкахъ. Дѣвушка кланяется и обращается къ хороводу съ словами, *клясь, клясь,* и хлопая въ ладоши. Это служить знакомъ, чтобы всякий съ своимъ добромъ подходилъ къ Кляскуну. Хороводъ отвѣчаетъ тѣмъ же и тогда по однажды несутъ свое добро. Подходя къ Кляскуну, говорятъ *клясь, клясь* и отдаютъ ему принесенное. Кляскунь, отвѣчая тѣмъ же *клясь* и, хлопнувъ въ ладоши, принимаетъ дары чрезъ дѣвочку и отломивъ частичку или наливъ нѣсколько въ рюмку, бросаетъ и выливаетъ въ огонь, говоря: *клясь, клясь* и хлопая въ ладоши (настоящія языческія жертвенные возліанія!); остатки же всего приносимаго помѣщаются на носилкахъ. Между тѣмъ хороводъ поетъ съдѣющее:

Будае й намъ и аму	Будеть намъ и ему
Выпасытъ мѣсячку	Полному мѣсяцу !
Не прыгнёшимъ агнечка	Не погасимъ огонька —
За свайгожъ-жежъ Кляскунка.	Ради своего Кляскунка !..
Клясь, клясь — Кляскунъ !	Клясь, клясь, Кляскунъ
Клясь, клясь мѣсячку !	Клясь... мѣсяцъ !
Ой, клясь, ой клясь !	Ой клясь...
Нашъ мѣсячку	Нашъ мѣсяцъ (луга)!...
Ой клясь, ой клясь !	Ой клясь...
Ты нашъ Кляскунъ !.. (хло-	Ты нашъ Кляскунъ !
ная въ ладоши).	

Собравъ все отъ хоровода, Кляскунъ встаетъ съ носилокъ и тушить огонь, который, впрочемъ, и безъ того уже самъ гаснетъ. За тѣмъ, хороводъ располагается вокругъ носилокъ, и Кляскунъ дѣлить всѣмъ собранные дары, не забывая и себя. (Пирогъ же и рюмка Кляскуна хранятся на память, и каждый получаетъ по кусочку этого пирога). Тогда начинаются забавы и веселье: ёдятъ, пьютъ, пляшутъ, во отнюдь не выходя изъ границъ сельской скромности. Возвращаются домой еще за-свѣтло, напѣвая пѣсни, но уже безъ Кляскуна. Очень-похожее на эту перемоню можно встрѣтить въ чѣкоторыхъ Польскихъ Губерніяхъ, на-примѣръ въ Люблинской и Радомской. Даже въ Варшавской Губ. есть похожая забава; именно въ 5 или 6 верстахъ отъ Варшавы, на мызѣ Графа Потоцкаго — Вильяново, я видѣлъ что-то въ родѣ обряда Кляскунова; даже въ пѣсняхъ — тотъ же напѣвъ и припѣвъ : klas, klas, oу klas, da klas.; но только здѣсь не было того приличія: это больше похожій Европейской разгульной, буйной черни, а не невинная дѣтская забава наследованная по преданію отъ дѣдовъ и прадѣловъ, какъ у Бѣлоруссцевъ. Кляскунъ извѣстенъ почти во всей Бѣлоруссии.

лоруссии, но особенно въ Витебской Губерніи, и Минской— въ Игуменскомъ уѣздѣ. Поговорки: *Разглакаўся якъ Клас-кукъ той* — развеселился, разыгрался, какъ Кляскунъ тотъ; *не класкай Кляскунъ, ба шымашака еще лялечка* — не веселись, не играй Кляскунъ, еще не показалась луна.

XLV. Копша.

Копша — богиня мертвыхъ. Какъ видно изъ значенія самого слова, Копша, должно быть, какое-нибудь страшное, чуть ли не адское божество. Копша значитъ — задымленная, загрязненная, испачканая смолою женщина, — оттуда неряха, пегодная женщина (36). Воображение суевѣрной Бѣлоруссіи рисуетъ Копшу въ видѣ старухи самого чудовищнаго, страшнаго вида. Она живетъ въ гробахъ, и особенно въ тѣхъ, гдѣ лишь только начинаютъ трупы разрушаться, тревожить ихъ, и именно трупы тѣхъ, родные которыхъ не задобрили ее, не положили въ гробъ денегъ или какого-нибудь напитка. Вотъ почему въ могилахъ понынѣ находять горшки съ деньгами и фляжки съ густѣйшою, крѣпчайшою старою водкою (37). Тѣ, которые почему-нибудь не угодили ей, стараются задобрить Копшу въ день языческой гризны, совершающейся въ Бѣлоруссіи (38) въ видѣ поминовенія на такъ-называемую *Радавницу* (39). День этотъ дѣйствительно приходится въ

(36) Въ Нижне-Лужицкомъ языке есть слово *Kopfisch* и значитъ дымя, смола, деготь.

(37) Обыкновеніе это понынѣ существуетъ въ Бѣлоруссіи. О подобномъ обыкновеніи у Негровъ упоминаетъ Г. Ковалевскій. См. статью: «Нигранія». Отч. Зап. 1849, Генварь.

(38) То же есть въ Малороссіи и Литвѣ.

(39) *Радавница* значитъ день радованія — по тому случаю, что въ этотъ день стараются угодить Копшѣ разными привозами.

то самое время, когда совершается Христіанское поминовение усопшихъ, именно во Вторникъ на Фоминой недѣли (40): вѣроятно — это остатки древней Славяно-Русской траузы, случайно слившейся съ этимъ Христіанскимъ днемъ. Въ этотъ день, вечеромъ, собираются женщины, по преимуществу старухи, на могилы своихъ родныхъ и близкихъ съ запасомъ разныхъ лепешекъ, блиновъ, пироговъ, и проч. и разкладываютъ ихъ на могилахъ. Часть этого запаса потребляется самими же принесшими, остальное же посвящается Копшѣ для умилостивленія ея. Обыкновенно прорываются въ изголовья могилы яму, и туда закапываютъ приношенія Копшѣ; на мѣстѣ же могъ пробиваются глубоко жолобокъ и бросаются въ него нѣсколько монетъ, большею частію мѣдныхъ, по числу членовъ семьи, — что сопровождается разными приговорами. Копша известна въ Могилевской и Минской Губерніяхъ; въ прочихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи существуетъ только обрядъ радавница, съ другими впрочемъ, ничего незначащими приговорами, или напѣвами. Поговорка: *Эз грашамъ и Копшъ даходзіць — деньгами задобришь и Копшу.*

XLVI. Лядашникъ.

Лядашникъ (41) — духъ, портящий людей (42). По понятію Бѣлоруссцевъ, существуютъ такие злые духи, которые изъ ненависти къ людямъ портятъ ихъ. Порча эта состоитъ въ томъ, что они дѣлаютъ людей больными,

(40) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершается Радавница въ Среду — вечеромъ.

(41) *Лядашникъ* — отъ *люданикъ*, скверный, испорченный, — тотъ, который другихъ дѣлаетъ дурными, портить.

(42) Портить людей — собственно значить сдѣлать ихъ больными, иногда сужаснедушими.

полусумасшедшими, лишают у ихъ сознаніе, превращаютъ ихъ въ разныхъ животныхъ. Къ числу этихъ духовъ принадлежитъ и Лядашникъ, духъ самый враждебный въ отношеніи къ человѣку. Лядашникъ ненавидитъ женщинъ за дѣторожденіе, больше всего вредить имъ, и потому всѣ случающіяся съ женщинами болѣзни и прпадки Бѣлоруссы приписываютъ Лядашнику. Они представляютъ его въ видѣ безобразнаго уродца, всего въ рыжихъ волосахъ, съ крыльями и однимъ глазомъ во лбу. Лядашникъ извѣстенъ во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссии, и даже во всей, но только не вездѣ подъ этимъ именемъ: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Минской и Могилевской Губерніи его называютъ Шѣвредэй, Псѣуцень. Поговорки: *зъ Лядашникомъ спазнався, зъ розуму спався* — прямой безумный, будто съ Лядашникомъ свѣль дѣло; *Лядашникава ёко* — глазъ Лядашника — т. е. скверный, нехорошій глазъ; *Лядашникъ перельць въ яму* — наль нимъ пролетѣмъ Лядашникъ, т. е. онъ полуумный, сумасшедший.

XLVII. Ныдзень.

Ныдзень — оборотень. Это одна изъ тѣхъ несчастныхъ жертвъ, которыми Лядашникъ дѣлаетъ людей. Ныдзень, собственно, по понятію Бѣлоруссцевъ, блуждаетъ въ образѣ какого-то четвероногаго животнаго, и такъ жалко стонеть, что слыша его невольно поразишься горькимъ положенiemъ оборотня. Особенно стоны его можно слышать въ лунную полночь. Онъ блуждаетъ вокругъ домовъ и въ особенности домовъ добрыхъ, сострадательныхъ людей; иногда въ видѣ собаки забѣгааетъ и въ самое жилье, но какъ никто его не узнаётъ, то онъ и про-

лежитъ гдѣ-нибудь вмѣстѣ съ собаками. Ему очень хочется, говорять Бѣлоруссы, чтобы кто-нибудь узналъ и приласкалъ его; этимъ нѣсколько утѣшился бы Ныдзень въ свое мѣсто положеніи. Но кто же осмѣлитсѧ приласкать его, хотя бы кто и узналъ, что вѣжавшая собака дѣйствительно есть оборотень — несчастный, заклятый, заколдованный человѣкъ, когда этой ласкою можно раздражить Ладашника. Появленіе мнемаго Ныдзеня Бѣлоруссы считаютъ предсказаніемъ какого-либо несчастія для цѣлаго мѣстечка или деревни: по ихъ мнѣнію, изъ жалости къ людямъ, это несчастное существо хочетъ какъ бы приготовить людей къ встрѣтѣ угрожающей бѣды. Ныдзень, отъ ныдзельца — скучать, горевать, собственно значить горемыка, стонущій, воюющій, вообще существо, находящееся въ чрезвычайно жалкомъ подожденіи... Ныдзень извѣстенъ преимущественно въ Минской Губерніи, въ Слуцкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ, отчасти впрочемъ и въ Игуменскомъ. Поговорки: *Разхлестаўся якъ той ужэ Ныдзень* — расплакался, разстонался, настоящій право Ныдзень; *Ныдзень! чуць бадай лиха якога не спатнкуць*, — что-то слышны стали стоны Ныдзеня (Ныдзеня), какъ бы не случилось несчастія какого...

XLVIII. Павѣтникъ.

Павѣтникъ — младшій служебный духъ Бордзи. Павѣтникъ, отъ слова *павѣтце*, сарай для дровъ, или мѣсто (въ Бѣлорусскихъ хуторахъ) для складки и срубки дровъ — значить живущій въ дровяномъ сараѣ. Оттуда и понятіе Бѣлоруссцевъ объ обязанности Павѣтника въ отноше-

ши къ богинѣ Бордзѣ. Именно, Бѣлоруссы думаютъ, что Павѣтникъ всегда живетъ въ дровяномъ сараѣ и смотрѣть за благосостояніемъ имущества хозяина. Старый служебный духъ Бордзѣ, Гарникъ, часто вмѣстѣ съ своею богинею присутствуетъ на брачныхъ пирахъ; но Павѣтникъ, какъ младший служебный духъ, не имѣть такого близкаго отношенія къ Бордзѣ. Онъ дѣлаетъ только то, что ему поручаетъ Гарникъ. По понятію Бѣлоруссовъ, Павѣтникъ, въ видѣ шестикрылой огромной птицы, расхаживаетъ по всѣмъ амбарамъ, сараямъ (клѣцамъ) новобрачныхъ и осматриваетъ, все ли у нихъ къ хорошему состоянію; если найдеть что-нибудь въ ненормальности — доносить Гарнику, а Гарникъ передаетъ Бордзѣ. Иногда, говорятъ Бѣлоруссы, Павѣтникъ является (43) хозяевамъ въ амбарахъ и какъ бы грозитъ имъ; это значитъ, что хозяинъ, въ амбарѣ котораго явился Павѣтникъ въ такомъ видѣ, провинился въ чѣмъ-нибудь предъ Бордзю, т. е. или не занимался хозяйствомъ, или же неправильно сть обидою для другаго воспользовался какимъ-нибудь добромъ. Во время этого появленія, Павѣтникъ принимаетъ образъ красиваго блокураго юноши въ рубашкѣ огненнаго цвѣта. Павѣтникъ известенъ, собственно въ Минской Губерніи, частію впрочемъ и въ Могилевской, особенно въ Оршанскомъ уѣздѣ. Поговорки: *Павѣтникъ прысаѣтъ, въ клѣцѣ добра панаѣтъ — помогъ, удружилъ, присмотрѣлъ за хозяйствомъ Павѣтникъ отъ того и въ амбарахъ его все въ хорошемъ положеніи, всего много; чумы, чумы — Павѣтникъ, — выраженіе,*

(43) Собственно ночью, или вечеромъ, вообще въ потьмахъ: изрѣдѣ, потому, что вечеромъ скорѣе можетъ представиться что-нибудь подобное суевѣрному Бѣлоруссу.

употребляемое Бѣлоруссами во время испуга, произшедшаго отъ внезапной пропажи какой-нибудь вещи въ домѣ, или пожара, или грабежа ночного. Что значить *тулы — чужки*, не понятно; по крайней мѣрѣ можно дегадывать, что этимъ выражается какоѣ-то привыкъ на помощь Павѣтника!.. Какъ-будто помоги, Павѣтникъ, мы избавь отъ бѣды... *Якъ злакаеся, бы — ахъ Павѣтникъ съ кільдзю ў ся: здаеся* — какъ испугался, — словно Павѣтника увидѣлъ въ амбарѣ (изъ грезномъ видѣ).

XLIX. Падпечникъ.

Подпечникъ — домовой. Бѣлоруссы представляютъ Падпечника въ видѣ безобразнаго животнаго, мехнатаго, съ красною головою и огненными сверкающими глазами; вмѣсто передникъ лапы, у него человѣческія руки, а вмѣсто заднихъ — человѣческія ноги, только съ длинными когтями. Бѣлоруссы вѣрять, что Падпечникъ живеть въ домахъ подъ печкою (44), и днемъ никогда не выходитъ оттуда; иногда только, когда никого не бываетъ дома, промѣтъ дѣтей, очь высовываетъ свою красную голову, и повертыши въ сверкая глазами, страшаетъ тѣмъ дѣтей, слишкомъ расшалившихъ въ отсутствія родителей; впрочемъ, онъ ничего худаго имъ не дѣлаетъ. За то, почю, Падпечникъ не даетъ покоя людямъ дурнымъ, порочнымъ, безчестнымъ и вообще сдѣлавшимъ какое-либо преступленіе. Падпечникъ грезится имъ, являясь передъ ими въ ужасающихъ видахъ, выдѣльвая предъ ними разные страшныя жесты, бѣгая

(44) *Падпечакъ* — подпечекъ, т. е. лима подъ печкою для сора, или кѣсто для складки дровъ (у простодушинокъ).

по стѣнѣ, летая надъ ихъ головами, и своею мохнатою головою щекотя лице ихъ. Весьма похожій на Падпечника домовой есть у Сербовъ и Богемцевъ. У Сербовъ онъ называется Зѣльникъ, что значитъ сидящій въ темномъ уголку — за печкою (45); а у Богемцевъ Рѣканъ, — отъ реска большой камень — для постройки домовъ и лѣпки печей; оттуда запечникъ сидящій на печкѣ, или подъ печкою (46). О Падпечнике, какъ о домовомъ, знаютъ почти во всей Бѣлоруссіи, только подъ разными названіями; подъ настоящимъ именемъ извѣстенъ онъ больше въ Минской Губерніи; но не менѣе того знаютъ обѣ немъ даже и въ Черниговской Губерніи, особенно въ Глуховскомъ уѣздѣ. Поговорки: *Падпечникъ налекаетъ, бачна штось зпустааетъ* — Падпечникъ напугалъ, видно сдѣлаль что-нибудь дурное; *кабъ табъ Падпечка (сокращ. Падпечникъ) прысниселъ* — чтобы тебѣ пригрезился во снѣ Падпечникъ.

L Разамара.

Разамара — недобрый духъ, одинъ изъ тѣхъ, которые несутъ на воздухѣ огненную ступу Бабы-Яги (47), и пользуются большою милостію этого злобнаго духа. По понятію Бѣлоруссовъ, Разамара живетъ въ облакахъ, въ видѣ какого-то шестикрылого животнаго. Въ случаѣ же нужды явиться на землю съ Ягою, или даже одному Разамара — принимаетъ видъ молодаго человѣка косматаго

(45) Именовать или рѣчникъ личны имена разны народа Славянска, скuplo Г. Пачичъ, у Будиму, 1828 г. См. это слово.

(46) Praktisches Lehrbuch der czechischen volgo böhmischen, von F. Trnka. Brünn, 1830, 8. 1.

(47) См. въ 1-й статьѣ слово Яга-Баба-Касьциная-Нага.

съ головы до ногъ, съ шестью крылами, огненаго. Въ такомъ видѣ онъ является въ глухую полночь и въ осрѣбенности во время бурь, грозы и проливнаго дождя, и похищаетъ дѣтей. Разамара извѣстенъ во всей Бѣлоруссіи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Минской Губер.) это слово употребляется въ значеніи замарашки, и дѣйствительно можетъ означать нечистаго, загрязненнаго, если производить это слово отъ Виндскаго *Zmargast* — *razmargast*, корень котораго *margoda* — значитъ нечистый, замаранный. Впрочемъ, корень Разамары собственно должно искать въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи. *Разамара* — по Бѣлорусски (отъ предлога *разъ* — и *мара* — привидѣніе духъ, тѣнь) значитъ духъ неуловимый, быстро исчезающій, — невидимка. Шоговорки: *Чы не Разамара гальє* — не Разамара ли сгубиль (дитя); *Разамарарабъ цяль задушыє* — лис крыжса — чтобы тебя задушилъ Разамара! этой крикунъ! такъ пугаютъ дѣтей).

II. Шатышила.

Шатышила (48) — также служебный духъ Яги-Бабы Касьянной-Наги. Сказанное о Разамарѣ относится и къ Шатышилѣ. Замѣтимъ только, что Шатышила имѣть еще особенное значеніе, — именно посредника въ сношеніяхъ между Ягою и Паландрою. Шатышила извѣстенъ въ Бѣлоруссіи столько же, сколько и Разамара; кроме того, онъ извѣстенъ въ Малороссіи и Литвѣ. Шатышила значитъ постоянно передвигающіяся съ мѣста на мѣсто,

(48) Здѣсь ковчечная буква *а* употреблена вѣсто *о*, притѣмъительно къ выговору Бѣлорусскому; слѣдовало бы собственно написать — Шатышило.

перебѣгающій, быстро летающій. Поговорки: *Бач — якіх Шатывіла мяціць* — экъ какимъ бѣсомъ несется; *якъ той Шатывіла не пастанць на однокъ мъсыць* — какъ Шатывіла, не постоитъ на одномъ мѣстѣ.

III. Яркунъ.

Яркунъ — врагъ супружества. По понятію Бѣлорус-сцевъ, Яркунъ, пока бытъ друженъ съ Бордзю, покрови-тельствовадъ супружество; послѣ, возненавидѣвъ Бордзю, покинулъ ее и на зло ей сталъ преслѣдоватъ супруговъ. Онъ, говорятъ, производить беспорядки въ домаѣ и ссо-ритъ мужей съ женами. Бѣлоруссы представляютъ Ярку-на старикомъ — немалаго роста, сѣдымъ, но очень строй-нымъ и ловкимъ; являясь же въ домъ новобрачныхъ, онъ принимаетъ видъ молодаго человѣка. Обыкновенно Яркунъ живетъ въ горахъ, въ великолѣпныхъ палатахъ, украшенныхъ янтаремъ и другими камнями. Яркунъ — собственно значить воркливыи, ревнивыи, жестокій. Нѣ-что похожее на Яркуна есть у Верхне-Лужичанъ, именно *jagukon*, означающее сильнаго, крѣпкаго (отъ слова *jaga* — очень сильно). Яркунъ извѣстенъ не во всей Бѣлорус-сіи. Поговорки: *за іэтага Яркуна я пайду?* — пойду ли я (за мужъ) за такого ревнивца?.. *Загрызг жонку свою — якъ той Яркунъ* — замучилъ жену свою ревностью, какъ Яркунъ. Вообще на Бѣлорусскомъ нарѣчіи слово Яркунъ значитъ собственно ревнивецъ.

II. Беларусский.

